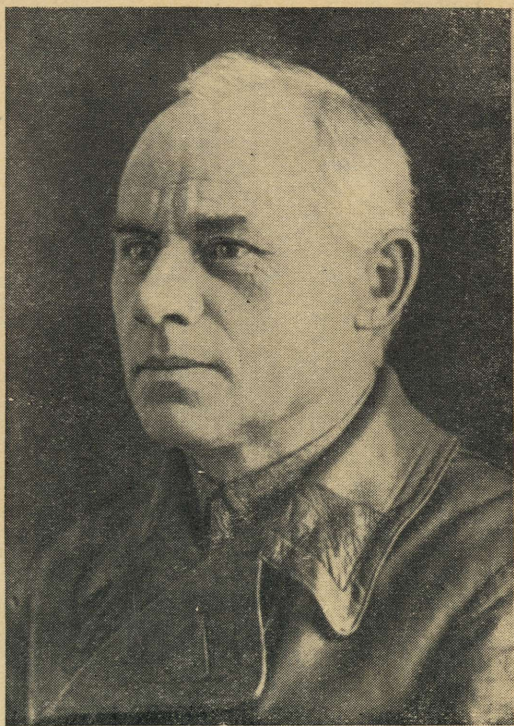

Д. РУДНЕВ

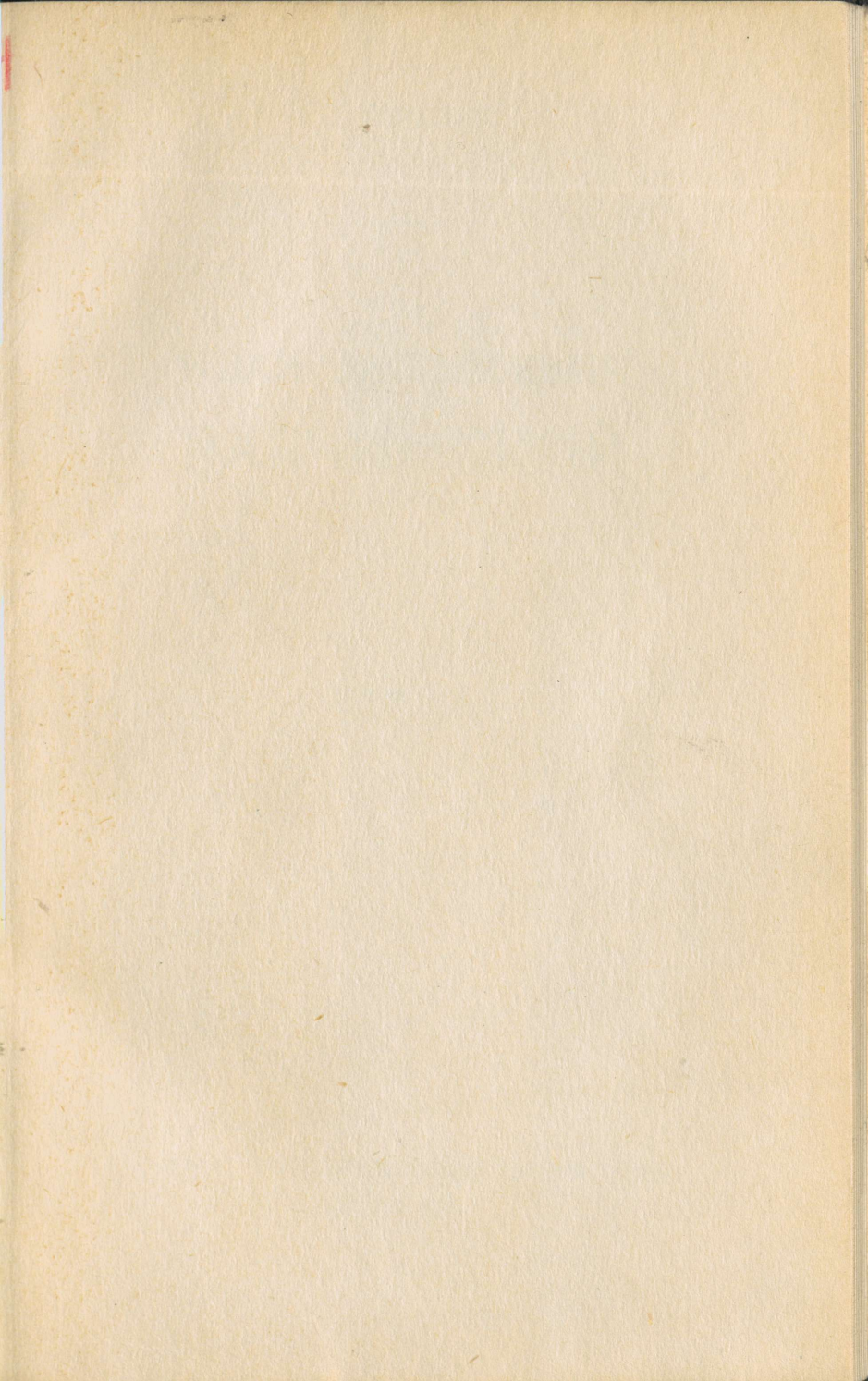
*Иван
Васильевич*

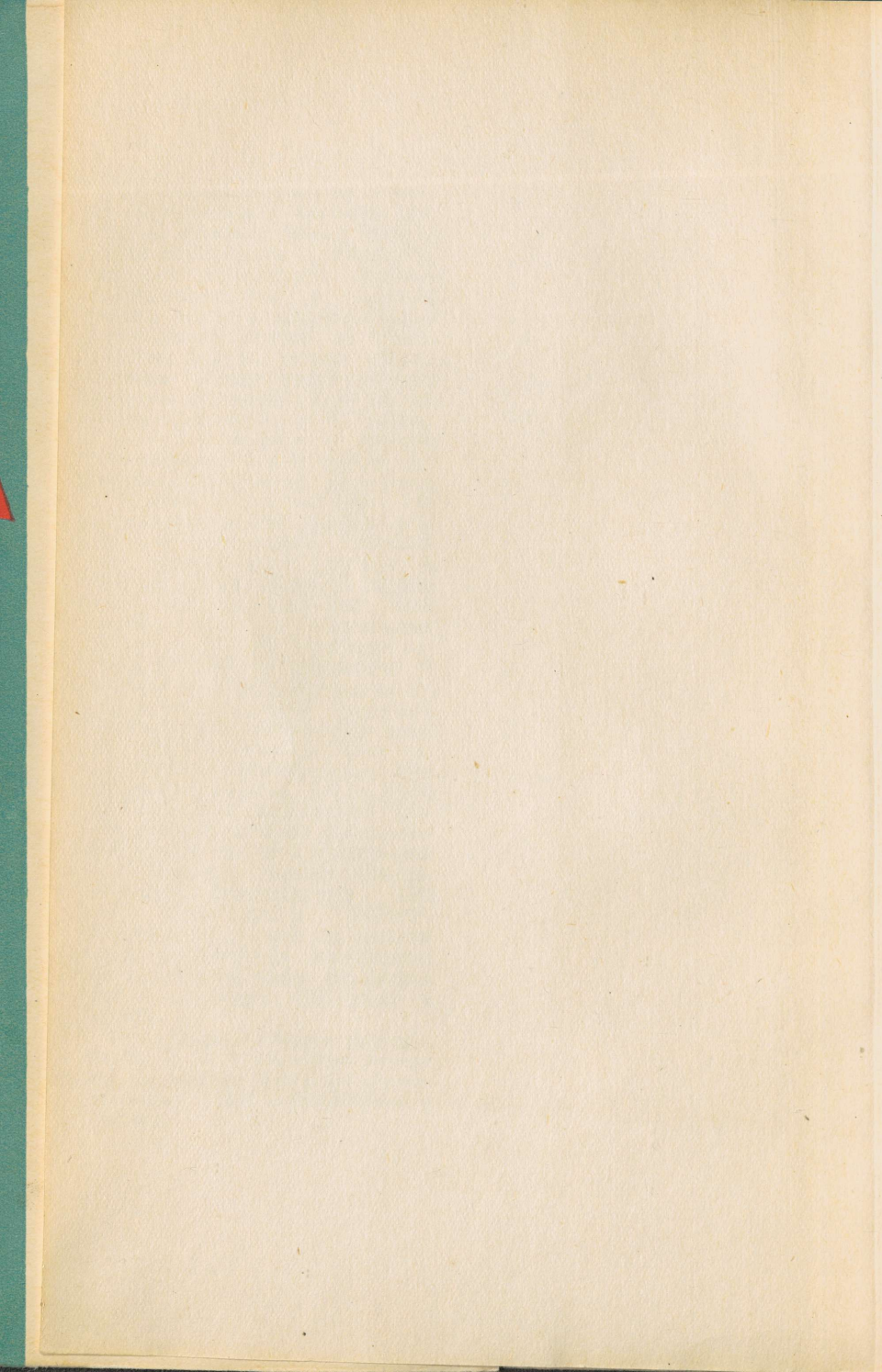
Р
ГАБЧИНСКИЙ

А

Эта книга рассказывает о жизни замечательного человека, одного из славных борцов великой армии коммунистов — Ивана Васильевича Рабчинского. Русский рабочий-большевик, он светлым именем вошел в историю борьбы пролетариата Эстонии за власть Советов. Будучи первым председателем Военно-революционного комитета Эстонского края, И. В. Рабчинский вместе с Я. Анвельтом, В. Кингисеппом и другими выдающимися большевиками руководил Октябрьской революцией в Эстонии. В эти решающие дни он проявил исключительные способности организатора, показал себя мужественным, умелым и стойким руководителем трудящихся масс. В своем лице Рабчинский как бы олицетворял дружбу эстонского и русского народов в борьбе за социализм. В сложных условиях он показал образцы осуществления ленинской национальной политики. Вот почему имя Рабчинского было так популярно и уважаемо среди пролетариата Эстонии. Когда была провозглашена Эстляндская Трудовая Коммуна, Иван Васильевич Рабчинский достойно представлял ее в Москве в качестве Уполномоченного Представителя ЭТК при Правительстве РСФСР. И позже Рабчинский не порывал связи с эстонскими коммунистами; он оставил яркие воспоминания о событиях 1917 года в Эстонии.

Книга иллюстрирована фотографиями И. В. Рабчинского разных лет его жизни, снимками зданий, связанных с его деятельностью в Таллине.

VII

-7675

15

Д. РУДНЕВ

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ
РАБЧИНСКИЙ

1988

ЭСТОНСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ТАЛЛИН 1960

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu

135857

ARHIIVKOGU

Имя Рабчинского, русского рабочего-большевика, знали в 1917 году все эстонские пролетарии. Большой партийный опыт, серьезная теоретическая подготовка, крупные организаторские способности, все это выдвинуло Рабчинского на крутом переломе истории в руководящее ядро большевиков Эстонии. Вместе с выдающимися эстонскими коммунистами Яном Анвельтом, Виктором Кингисеппом, Хансом Пегельманом и другими Иван Васильевич Рабчинский руководил подготовкой к Октябрьской революции в Эстонии. В решающий момент, незадолго до восстания, эстонская партийная организация доверила ему ответственный пост председателя Военно-революционного комитета при исполкоме Советов Эстонского края и он с честью оправдал это доверие.

Ян Анвельт так оценивал деятельность И. В. Рабчинского в Эстонии: «Тов. Рабчинский сыграл в борьбе за дело большевизма действительно огромную роль в 1917 году... в Эстляндии, в особенности в дни Октябрьского переворота. Как прекрасный организатор и агитатор, тов. Рабчинский пользовался заслуженной любовью и большим уважением среди рабочих, солдат и матросов»¹.

В дни Эстляндской Трудовой Коммуны И. В. Рабчинский был назначен на важнейший пост Уполномоченного Представителя Совета Эстляндской Трудовой Коммуны при Правительстве РСФСР. Одновременно он был уполномоченным Российского бюро Центрального Комитета Коммунистической партии Эстонии в Москве. И позже И. В. Рабчинский поддерживал тесные связи с руководством компартии Эстонии.

Материалы о жизни и деятельности И. В. Рабчинского хранятся в Центральном Партийном Архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, в архиве Института истории партии при ЦК КПЭ и в других москов-

¹ Личный архив И. В. Рабчинского в Москве. Документ написан 4 марта 1934 года. Заверенная копия.

ских и таллинских архивах. Использованы документы и материалы из сборника «Великая Октябрьская Социалистическая революция в Эстонии». Много сведений о Рабчинском содержат газеты, выходившие в Эстонии в 1917 году, в особенности «Кийр», «Утро Правды», «Тёэлине», «Звезда». Неоценимым источником является литературное наследие И. В. Рабчинского (статьи о Февральской и Октябрьской революциях в Эстонии и т. д.). Воспоминаниями о И. В. Рабчинском поделились многие старые большевики. На основе всех этих материалов и написан настоящий биографический очерк. Основное внимание в нем уделено деятельности Рабчинского в Эстонии.

Нам дорога память о Рабчинском, так много сделавшем для победы социалистической революции в Эстонии. Нам дорог его светлый образ, который как бы олицетворяет собою братство русских и эстонских рабочих в борьбе за коммунизм.

1

Жили Рабчинские в селе Казатине, Киевской губернии, считались крестьянами, а кормились железной дорогой, так как не имели ни клочка своей пашни.

Поездной смазчик Василий Рабчинский был человеком многосемейным, очень бедным и когда в семье 12 января 1879 года появился еще один сын — Иван, соседи сокрушенно качали головами: «Еще одним лишним ртом больше, чем кормить станет?!» Заработок поездного смазчика, в семье которого было двенадцать душ, равнялся двенадцати рублям в месяц — рубль на душу! Мать и старшая сестра подрабатывали стиркой, шитьем, а осенью общипыванием кур и гусей. И все же Рабчинские владели голодное существование:

«Жили мы не то, что впроголодь, а постоянно голодали, — писал Иван Васильевич. — Наиболее симпатичные дни моего детства связаны с моментами, когда я получал кусочек сала вместо соленых огурцов»².

Проблема заработка рано встала и перед Ваней. Ему повезло: регент местного хора обнаружил у мальчика

² Центральный Партийный Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (в дальнейшем ЦПА ИМЛ), ф. 124, оп. 1, ед. хр. 1583, л. 7.

сильный и красивый голос. Он взял его в свой хор, а вскоре определил в солисты. Хор пел в концертах, а в большие церковные праздники в церкви. «Я стал подзарабатывать маленькие деньги, — продолжает свои воспоминания Рабчинский, — их хватало по крайней мере на собственную экипировку»³. Было этому добытчику семь лет от роду.

Отец, человек способный, даже незаурядный, был неграмотным, но детей страстно хотел отдать в школу, вывести в люди. Однако, учить было не на что. Ваню опять выручил хороший голос. Он открыл ему двери в начальную школу. Мальчика тревожило будущее, на что станет учиться дальше? Он начал копить деньги, которые получал за пение в хоре. Копил целый год. По грошикам и копейкам собрал 55 рублей. Теперь можно податься в Киев и, если улыбнется счастье, поступить в двухклассное училище.

В Киев ехал «зайцем» — отец посадил его в товарный вагон к знакомому человеку, сопровождавшему лошадей. Так вместе с лошадьми и прибыл 12-летний мальчик в Киев. Зато сберег все свои деньги, а они оченьгодились — за полный пансион и койку с него требовали 50 рублей. Отдал все свое состояние и стал посещать училище. Окончив его, Ваня поступил в низшее железнодорожное училище.

Живя в Киеве, он посещает кружок студентов, читает и распространяет прокламации. Подросток, уже познавший тяжесть жизни, задумывается над тем, где причины социального неравенства и как их устранить. Студенты сами это представляли себе слабо и мало чем могли помочь Рабчинскому.

В 1895 году он впервые участвует в уличных демонстрациях, они буквально потрясли юношу: «никакие политические беседы, по существу наивные и ребяческие, не произвели на меня такого впечатления, как эти демонстрации»⁴. Окончив железнодорожное училище, Рабчинский возвращается в родное село. Поступает на телеграф, а потом помощником монтера на электростанцию. Ведет с рабочими «крамольные разговоры». Продолжает этим заниматься и в Жмеринке, куда его перевели

³ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 1583, л. 7 (об.).

⁴ Там же, л. 8.

надсмотрщиком телеграфа. «Примерно через год жандармский ротмистр вызвал меня и потребовал... подобру-поздорову убираться из Жмеринки в трехдневный срок, иначе уволят по 3-му пункту (волчий билет)»⁵.

Жандармы гонят его с места на место и нигде юноша не может надолго устроиться. Наконец, удалось осесть в Нижнеднепровске. У Рабчинского в ту пору еще не было определенных политических взглядов, но в нем все кипело ненавистью к царизму, к жандармам. Он был тогда скорее стихийным, чем сознательным революционером.

«Друг у друга мы чему-то учились, — рассказывает Рабчинский о группе рабочих, к которой примкнул в Нижнеднепровске, — но в общем блуждали как слепые щенята... Мы говорили о декабристах, народниках, социалистах, забастовках и о разных других вещах, посещали какие-то рефераты... в общем же в наших головах укладывалось мало»⁶.

В 1901 году пришлось время идти на военную службу. Отбывал он ее сначала в речной минной роте. Вскоре грамотного солдата, имевшего к тому же кой-какое техническое образование, направляют в Петербург в Военную электротехническую школу. Здесь оказался солдат Егоров из Нижнего-Новгорода, он был знаком с Алексеем Максимовичем Горьким. Егоров получал из Нижнего листовки и революционную литературу, и давал их читать Рабчинскому и другим солдатам. В военной школе сложился кружок, имевший большое влияние на солдат. Работа здесь велась в определенно марксистском направлении.

Как-то фельдфебель — типичная «шкура» — накрыл Рабчинского с прокламацией и доставил ее командиру роты; Рабчинскому угрожал военный суд, но до этого дело не дошло, отделался он гауптвахтой. В 1903 году Иван Васильевич заканчивает военную службу и поступает надсмотрщиком телеграфа на Николаевскую железную дорогу.

На Николаевской железной дороге Рабчинский создает из телеграфистов, слесарей, электриков и машинистов кружки, а сам занимается в социал-демократическом кружке на Пробочной фабрике, в районе которой

⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 1583, л. 8.

⁶ Там же, л. 8 (об.).

И. В. Рабчинский
в 1905—1906 годах.

жил. Имея годовой билет, он свободно разъезжал по всей дороге. Вел пропаганду в депо узловой станции, в будке стрелочника, в комнате телеграфиста. Постепенно Рабчинский приобретает некоторую известность на дороге.

На исходе был 1904 год. В воздухе ощущалось приближение революционной грозы.

... Утро 9 января 1905 года выдалось морозное, тихое. Едва стало рассветать, как с заводских окраин двинулись к центру Петербурга густые и нестройные людские толпы, напоминавшие тихие реки, медленно текущие меж высоких каменных берегов. Над людьми спокойно покачивались церковные хоругви; шедшие впереди несли портреты царя и царицы.

Рабчинский шел к Дворцовой площади вместе с рабочими Пробочной фабрики. Он, конечно, не разделял их наивной веры в царя-батюшку, однако считал своим долгом быть в этот час вместе с народом. Попытался разъяснить нелепость обращения к тирану за помощью и заступничеством, но слушали его холодно, равнодушно.

Толпа вынесла Рабчинского к саду у Дворцовой площади — отсюда хорошо был виден багрово-красный Зимний дворец. Путь к нему преграждала длинная ломан-

ная линия солдат. Толпа в недоумении остановилась. Рабчинский с нарастающей тревогой смотрел, как солдаты по команде офицеров выравнивают линию; сам в недавнем прошлом солдат он сразу понял — готовится что-то страшное, непоправимое...

Тишину безмятежного морозного дня безжалостно разорвали залпы винтовок и все вокруг наполнилось стонами раненых, криками обезумевших от страха и горя людей; послышались страшные проклятья. «Из многотысячной толпы остаюсь в числе трех человек на углу сквера Дворцовой площади; перевязываем раненых; перевожу рабочего в больницу. Это первое боевое крещение производит во мне резкий перелом. Посвящаю себя революции»⁷.

Пролетарский Петербург ответил на страшное злодеяние царя мощными забастовками. Началась первая русская революция.

Стала и Николаевская железная дорога. Здесь забастовкой руководил узловый стачечный комитет, в составе которого был большевик М. Т. Елизаров (зять В. И. Ленина). С ним Рабчинский больше всего был связан по делам забастовки. В октябре 1905 года Ивана Васильевича избирают в стачечный комитет Николаевской железной дороги. Он организует особое телеграфное бюро, сюда со всех концов страны поступали телеграфные сообщения о революционных событиях; из бюро телеграммы доставлялись в левые газеты.

Железнодорожники делегируют Рабчинского в Петербургский Совет рабочих депутатов. Он посещает заседания Совета.

Революция быстро закаляет борцов. Рабчинский все яснее и яснее сознает, что его место среди большевиков: «... большевиков я любил, — пишет он, — я на них смотрел, как на буревестников, отважных, близких массам, крупного размаха, образованных, страстных и действительных революционеров в стремлении к сокрушению существовавшего ненавистного строя»⁸.

Еще не оформив свое вступление в большевистскую партию, он уже делал в ее кассу взносы, систематически выполнял поручения партии. «Меня считали большеви-

⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 1583, л. 42 (об.).

⁸ Там же, л. 10.

ком, но я... считал себя лишь сочувствующим, — пишет Рабчинский, — я очень щепетильно и глубоко относился ко вступлению в партию, считая, что пока я не пойму своим умом программы, партийных различий и всего прочего, что составляет мировоззрение, я не достоин вступить в ее ряды»⁹.

В ночь на 8 декабря 1905 года весь комитет Николаевской железной дороги был арестован. Схвачен был и Рабчинский. Между прочим, его предупредили о грозящем ему аресте, а рабочие депо предложили ему помощь в организации побега за границу. Но Рабчинский категорически отказался.

Одинокaя камера «предварилки». Кипучая деятельность внезапно сменилась принудительным бездельем. Рабчинский не теряет времени, он жадно пополняет свои скудные знания. Читает по 14 часов в сутки: книги по рабочему движению, по истории, философии, по социологии... «В одиночном тюремном заключении прохожу свой политический университет... тут окончательно выработывается мое большевистско-марксистское мировоззрение; с этого же года считаю себя членом РСДРП(б)»¹⁰.

Рабчинский был приговорен судебной палатой к одному году крепости. Однако, через шесть месяцев, летом 1906 года, власти выпустили Рабчинского на поруки. Как радостно вырваться на волю из серого каменного мешка, как радостно снова окунуться в водоворот событий. По заданию большевистской партии Иван Васильевич устанавливает связи с саперами и артиллеристами, ведет агитацию среди железнодорожников.

В декабре 1906 года Рабчинский едет на Всероссийский железнодорожный съезд в Таммерфорс. Его страстная большевистская речь вызывает злобные реплики эсеровского лидера Чернова. Сколько впереди еще будет таких же яростных стычек с эсерами и меньшевиками! Рабчинский возвращается в Петербург. Партия дает ему одно задание за другим: выступить в Технологическом институте на массовке, дать бой меньшевикам на собрании железнодорожников, выехать в Минск для связи с местными большевиками...

⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 1583, л. 42 (об.).

¹⁰ Там же, л. 17.

В ночь на 18 апреля (1 мая по новому стилю) 1907 года Рабчинский снова был арестован. Короткое время его держат в Спасской части в общей камере. Он снова берется за самообразование. Какой-то художник из заключенных сделал в это время с Рабчинского рисунок: на тюремных нарах с раскрытой книгой в руке лежит молодой рабочий с мужественным, спокойным лицом; на книге микроскопическими буквами написано: «Жизнь — борьба рабов за свободу и господ за власть...»

Рабчинского переводят в «Кресты» — тюрьму с крепостным, то есть исключительно суровым режимом. Снова одиночная камера. В соседней камере сидел большевик Илья Ионов (член партии с 1904 года). Много позже он писал о Рабчинском:

«В качестве крепостного (т. е. заключенного в крепости. — Д. Р.) он имел некоторую связь с прочими крепостными. Это дало ему возможность организовать тюремный журнал, в котором и я помещал свои стихи и заметки под псевдонимом «Звонарь», передавая их ему через отверстие, которое мы проделали в разделявшей нас стене. Тов. Рабчинский был уже большевиком, что свидетельствую, так как имел с ним ежедневные беседы по разделанному в стене отверстию. Наш журнал также имел большевистский уклон»¹¹.

В тюремном журнале Рабчинский поместил ряд статей и составленную им программу по самообразованию.

Хотя у жандармов были улики против Рабчинского, однако, сострять против него судебное дело им не удалось. В декабре 1907 года они высылают его в Тверь под надзор полиции. А через некоторое время начальник Тверского Губернского жандармского управления доносил в Департамент полиции, что «мещанин И. В. Рабчинский по прибытию в Тверь сейчас же завязал сношения с рабочими и был на одном небольшом собрании»¹². Далее жандармы доносили, что «воспитанник Тверской гимназии Михаил Николаев Иванов, входящий в группу лиц крайнего направления, имеет сношения с административно высланным Рабчинским».

¹¹ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 1583, л. 36.

¹² Архивная справка, составленная Архивом революции и внешней политики СССР по жандармским документам. ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 1583, л. 39 (об.).

Жандармы имели точные сведения, их информировал провокатор. Действительно, приехав в Тверь, Рабчинский немедленно связался с большевистскими кружками вагоностроительного завода и Морозовской мануфактуры¹³. Он выступал на тайных сходках, которые местные большевики устраивали в лесу за Волгой.

В Твери Иван Васильевич жил случайными заработками: давал уроки гимназистам, снабжал местную газету хроникерскими заметками. Находясь под надзором полиции, он не имел возможности вести активную революционную работу. Поэтому решил перейти на нелегальное положение и бежать в Петербург. Достав фальшивый паспорт, он уезжает в столицу. Под чужой фамилией устраивается на прокладку трамвая, а живет в пригородном поселке Славянка.

«Как к магниту прилипали рабочие к подпольщику, — пишет Рабчинский об этом периоде своей жизни. — Ну, это же понятно; немисливо было не вести революционной работы человеку, который ежедневно общается с рабочими, ест с ними и живет среди них. Здесь я также вел, можно сказать, ежечасную подпольную работу как на службе, так и в квартирах рабочих»¹⁴.

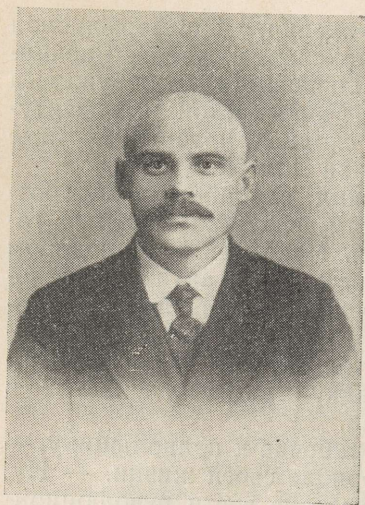
Вскоре ему удастся устроиться на электростанцию Военно-Медицинской академии. Чем бы Иван Васильевич ни занимался, он стремился изучить дело основательно, глубоко. Работая на электростанции, он штудирует книги по электротехнике. У него возникает желание поделиться своими знаниями и опытом с такими же рабочими, как он сам. Рабчинский пишет книгу «Электромонтер. Правила установки», она вышла в 1911 году в Петербурге и имела большой успех. Простой рабочий — автор технической книги — в царское время это было явлением исключительным¹⁵.

Недостаток знаний все сильнее тяготил Ивана Васильевича, мешал ему отдать партии все, что он мог: «... я чувствовал себя слабо подготовленным в политическом и теоретическом отношении. Борьба с эсерами, меньшевиками и другими партиями требовала... большого раз-

¹³ См. письмо старой большевички А. Горшковой. ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 1583, л. 55.

¹⁴ Там же, л. 43 (об.).

¹⁵ Книга И. В. Рабчинского «Электромонтер» выдержала в общей сложности двенадцать изданий, десять из них в советские годы.

И. В. Рабчинский в 1912 году
в период своего первого при-
езда в Таллин.

вития и подготовки, а я этого не имел. Я решил основательно учиться. . .»¹⁶.

Не стыдясь своего возраста, а Рабчинскому шел тогда тридцать третий год, он садится за учебники и готовится к сдаче экстерном экзамена на аттестат зрелости. От экзаменуемого требовалась справка о политической благонадежности, а кто дал бы ее Рабчинскому? Случайно он узнает, что в Таллине такой справки в реальном училище не требуют. В 1912 году Иван Васильевич отправляется в Таллин. Это была его первая поездка в Эстонию. Не подозревал он тогда, что в недалеком будущем здесь во всю силу развернутся его организаторские способности, что здесь ему суждено сыграть видную роль в социалистической революции.

Успешно сдав экзамен на аттестат зрелости в Таллинском реальном училище, Рабчинский возвращается в Петербург и поступает в Политехнический институт на электромеханическое отделение — лучшей рекомендацией ему послужила его книга «Электромонтер». Решение поступить в институт Иван Васильевич объяснял так: «Свою учебу я рассматривал, как подсобную часть партийной работы, имея в виду, что приобретаая грамот-

¹⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 1583, л. 47.

ность и знания, я буду много полезнее для дела революции, чем не имея таковых. Учебой я преследовал не личные, а общественные цели...»¹⁷.

Средств на занятия в Институте у Ивана Васильевича не было. По 8—9 часов в день он работал по электро-монтажу в клиниках Военно-Медицинской академии, а вечерами готовился к зачетам. Исключительная трудоспособность студента, его настойчивость поражали всех — Рабчинский всегда вовремя сдавал зачеты и без задержек переходил с курса на курс.

Партийную работу он не прекращал. Старый большевик М. В. Клюев рассказывает, что Иван Васильевич выполнял в эти годы задания партии, помогал другим большевикам: доставал для них паспорта, укрывал их на конспиративных квартирах и т. д.¹⁸. О том же сообщает и член партии с 1905 года А. Бондаренко, в частности, она указывает, что Рабчинский, будучи студентом Петербургского Политехнического института «являлся выдержанным большевиком и вел активную партийную работу»¹⁹. Сам Иван Васильевич вспоминает, что в институте он вел пропаганду среди тщательно подобранных им студентов.

В полицию поступает донос на Рабчинского. Она готовится его арестовать. Ивана Васильевича вовремя предупредили об этом. Годы были военные и суды особенно жестоко расправлялись с большевиками. Рабчинский решил скрыться. В конце 1915 года он появляется в Таллине. Здесь, в прифронтной полосе, распоряжались военные власти и была надежда, что удастся уйти из поля зрения полиции. Расчет этот оправдался.

Многое изменилось в Таллине с тех пор, как Иван Васильевич был здесь впервые. Война наложила свой тяжелый, мрачный отпечаток на все. Таллин имел вид прифронтного города. На улицах было очень много военных, то и дело встречались пехотные полки, отправлявшиеся на фронт.

Жизнь в городе стала значительно тяжелее. Все продукты сильно вздорожали. Сахар и муку выдавали по карточкам. За сахаром, молоком и керосином с утра выстраивались длинные очереди. Утомленные, озабочен-

¹⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 1583, л. 47.

¹⁸ Там же, л. 50.

¹⁹ Там же, л. 49.

ные лица, потрепанная одежда, обилие среди рабочих женщин и подростков — все это о многом говорило наблюдательному Рабчинскому.

Нужда в специалистах была большая и Рабчинский без труда устроился в Военно-промышленный комитет сначала помощником заведующего эвакуационным отделом, а потом заведующим техническим отделом. По роду своей службы он часто бывал на заводах, фабриках, в порту. «Это давало мне возможность общаться с рабочими, солдатами и матросами»²⁰ — пишет Рабчинский.

Он быстро составляет себе представление о жизни рабочих в Таллине. Эксплуатация доведена до предела, сверх обычных десяти часов «нормального рабочего дня», их принуждают работать еще 4—6 часов. Под угрозой предания военно-полевому суду рабочие многих заводов лишены права переходить с предприятия на предприятие. За малейшее проявление недовольства рабочих сдают в солдаты и отправляют в действующую армию. «Царь и бог» в Таллине комендант крепости вице-адмирал Герасимов, ему в городе фактически подчиняется все.

Бывая на заводах и фабриках, Рабчинский мог убедиться в том, что революционный дух эстонских рабочих не сломлен, что кадровые пролетарии по-прежнему являются цитаделью большевистской партии. Властям не удалось запугать их репрессиями и угрозами. То на одном, то на другом предприятии вспыхивают забастовки. На заводах все чаще и чаще появляются листовки с призывом усилить борьбу против царизма и ненавистной народу империалистической войны. В глубоком подполье действовал Таллинский комитет РСДРП(б). Однако Рабчинскому, по-видимому, не удалось установить до 1917 года связи с ним. Но он устанавливает связи с рядовыми революционными рабочими. «Завязываю отношения с кружками рабочих на «Балтийской Мануфактуре» и «Старом порту» и др.»²¹ — читаем мы в автобиографии Рабчинского.

Мы не располагаем данными, которые позволили бы нам подробно осветить подпольную деятельность И. В. Рабчинского в Таллине в годы войны. Ему прихо-

²⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 1583, л. 11 (об.).

²¹ Там же, л. 18.

дилось соблюдать исключительную осторожность, так как, живя на полулегальном положении, он обязан был тщательно конспирировать свои связи с рабочими кружками, чтобы не провалить их. Вообще о жизни Рабчинского в годы империалистической войны документов почти не осталось. Нам удалось найти в его бумагах лишь один документ, относящийся к 1916 году, это удостоверение о том, что «состоящему в числе военнообязанных в качестве нижнего чина запаса» И. Рабчинскому предоставляется отсрочка по призыву в армию до 1 января 1917 года²².

Рабчинский напряженно следит за развитием событий в стране и, в частности, в Эстонии. Он видит, как неудержимо надвигается народная революция, она зреет повсюду. Царизм уже обречен!

«Казалось, что приближающееся крушение царизма нигде так остро не бросалось в глаза, как в Таллине, в морской крепости Петра Великого, — писал Рабчинский. — ... Несмотря на самую строжайшую цензуру в конце февраля (по ст. стилю) в крепости ощущалось приближение грозы. Сами военные власти сознавали, что почва постепенно уходит у них из-под ног. Самодержавие фактически больше не существовало, оно продолжало жить лишь на бумаге. Главные силы — рабочие, солдаты и матросы еще не выступили, но их выступление было вопросом дней, часов, минут... Народные массы уже протянули руку к оружию»²³.

2

В Петрограде народная революция уже торжествовала победу над царизмом, а в Таллине комендант морской крепости все еще угрожал подавить «со всей строгостью осадного положения» всякое революционное выступление против самодержавия. Но ничто не могло уже помешать пожару революции перекинуться из столицы в Таллин. Первые его искры залетели сюда 1 марта 1917 года, а на другой день огнем восстания занялся весь город.

²² Удостоверение от 2 декабря 1916 г. за № 2217. Личный архив И. В. Рабчинского.

²³ «Известия Академии Наук ЭССР», серия общественных наук, № 3, 1956 г.

Первыми, как всегда, поднялись металлисты. По призыву большевиков они вышли на улицу, увлекая за собою остальных рабочих. Грозно бурлящий людской поток ринулся из Копли к центру города и здесь широко разлился, затопив всю Рыночную площадь. Возник митинг, первый митинг без оглядки на жандармов. Впервые за многие годы в центре Таллина открыто и свободно звучали речи большевиков. Отсюда рабочие направились в гавань, где стояли военные корабли. Матросы присоединились к рабочим и все общей колонной двинулись назад в город. По пути в нее вливались солдаты. Восстание стало всеобщим.

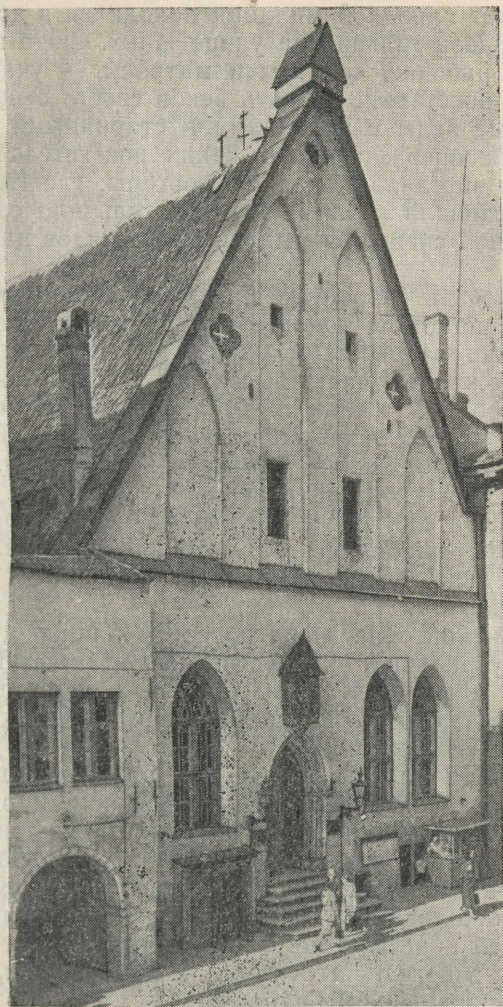
Были захвачены и разгромлены охранка, полицейские участки, помещения окружного и крепостного судов. Сбиты засовы на тюремных воротах и выпущены на свободы царские узники. Народный гнев словно молнией ударил в башню «Толстая Маргарита», и тюрьма запылала. Прямо на улицах были разведены костры; огонь жадно пожирал архивы царских учреждений.

Рабчинский с утра был на улице. Настал день, о котором он мечтал все годы, в наступление которого верил всем своим сердцем. Рабчинский выступает на импровизированных митингах, во главе групп рабочих и матросов разоружает городских и жандармов. С винтовкой в руках штурмует военную гауптвахту на Тарту маантеэ.

К концу дня царские власти в Таллине были свергнуты. Хозяином города стал революционный народ. На заводах начали спешно создавать отряды рабочей милиции. Местная буржуазия попыталась было взять руководство милицией в свои руки и организовала при Военно-промышленном комитете Временный комитет народной милиции, но большевикам удалось сразу овладеть комитетом. Важную роль сыграл в этом Рабчинский.

«Было решено, — рассказывает он, — чтобы я вошел в него для предупреждения каких-либо недоразумений и обеспечения выборов в Совет. Меня избрали секретарем и так как я оставался на работе безвыходно круглые сутки, а прочие сменялись через [каждые] два—четыре часа, то... все движение через меня оказалось в руках партийного комитета»²⁴.

²⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 1583, л. 11 (об.).

Здание Большой гильдии на улице Пикк в Таллине, в котором в дни Февральской революции 1917 года помещался Комитет народной милиции.

Комитет народной милиции находился в древнем здании Большой гильдии на улице Пикк. Сюда шли вооруженные рабочие, солдаты и матросы — участники народного восстания. За пять веков своего существования сводчатые залы с колоннами и старинными картинами на стенах впервые видели таких посетителей. Там, где когда-то заседали немецкие бюргеры, где гильдия купцов устраивала пышные празднества, шло сейчас в лихорадочной спешке формирование отрядов народной милиции.

Всю ночь в старинное здание сносили оружие, отнятое у жандармов, городских, офицеров. Сюда приводили арестованных. По приказу Комитета народной милиции пожарные части выезжали тушить пожары. Патрули народной милиции вылавливали уголовные элементы и наводили революционный порядок. Полки прислали в распоряжение Комитета народной милиции санитаров для ухода за ранеными во время восстания. Первые два дня после революции, когда новая власть еще не сформировалась, Комитет народной милиции был, по сути дела, единственным органом власти революционного народа.

Рабчинский, еще вчера известный лишь ограниченному кругу рабочих, оказался в центре событий. Рабочие, солдаты и матросы сразу увидели в нем опытного организатора, охотно признали его руководство, выполняли его распоряжения.

Вечером 2 марта в помещении рабочего общества трезвости «Валвая» собрались большевики и рабочий актив. Было решено на следующий же день приступить на заводах к выборам в Таллинский Совет. На собрании было принято воззвание к рабочим и частям армии и флота, находившимся в Таллине: «Товарищи, не забывайте, что враг еще не сломлен, предстоит еще борьба, берегите энергию на будущее и ведите себя, как подобает освобожденному народу»²⁵.

Здесь же в «Валвая» составлялись добровольные рабочие дружины, которые вливались в народную милицию, организованную Рабчинским. «Рабочие, — пишет Рабчинский, — лихорадочно организовывались и под

²⁵ «Ревельское слово» от 3 марта 1917 года. Воззвание подписано Ревельским Комитетом РСДРП.

руководством Эстляндской социалдемократической организации взяли охрану города в свои руки. Революция заняла все посты»²⁶.

Утром на многих заводах и фабриках, в полках и флотских экипажах начались выборы в Таллинский Совет. Большевики выступали на собраниях, разъясняли цели Совета, призывали посылать в него преданных трудовому народу людей. В проведении выборов участвовали И. Рабчинский, М. Петеркоп, Д. Хазан и другие большевики. Уже в пять часов дня в помещении кинотеатра «Гранд-Марина» открылось первое заседание Таллинского Совета рабочих и воинских депутатов. Совет принес «сердечную благодарность петроградским рабочим за начатое дело освобождения рабочих и трудовых масс». Затем Совет избрал Комитет народной милиции, в который в полном составе вошел старый комитет. Далее Совет сформировал Исполнительный комитет и выпустил воззвание к населению.

В разгар первого заседания Таллинского Совета поступило известие, что в 3-м Артиллерийском полку, стоявшем в предместье города, солдаты расправились со своими офицерами. Вслед за тем в Комитет народной милиции явился чрезвычайно взволнованный временный комендант морской крепости Лесков и обратился с настоятельной просьбой воздействовать на солдат полка. По заданию Совета и большевистской организации на место выехал Рабчинский. С ним было несколько милиционеров и английский матрос, называвший себя социалистом — он был с английской подводной лодки, стоявшей в таллинской гавани.

Рабчинский оставил нам яркое, волнующее описание этой своей поездки в восставший полк:

«Примерно в двух километрах от казарм, находящихся в лесу, нас окружили солдаты. Восставший полк опасался, что из Таллина придут усмирители и был готов к отпору. Под звуки сигналов, подававшихся свистками и выстрелами, мы проехали к казармам. Огромная столовая была битком набита вооруженными солдатами. Висячая лампа едва освещала помещение. Собранные встретили нас мрачным молчанием.

²⁶ «Правда» от 15 марта 1919 года. Статья И. Рабчинского «Черёд»; в ней подробно описаны события Февральской революции в Таллине.

Прежде всего я сообщил собравшимся об образовании Совета рабочих и воинских депутатов. Раздались возгласы: «Что это за Совет?» Я разъяснил, но меня снова перебили: «Правда, что против нас высылаются казаки и артиллерия?» Когда я разъяснил, что это не так... в помещении раздался вздох облегчения... После этого я говорил целый час и никто меня больше не перебивал. В конце я зачитал приказ № 1 Петербургского Совета... Затем были проведены выборы депутатов в Совет. Потом выступил английский матрос, который начал свою речь с приветствия по случаю свержения самодержавия. На ломанном русском языке, энергично размахивая руками, под одобрительный смех присутствующих, он заверил, что и они, английские матросы и солдаты, прибыв домой, сведут счеты со своим королем и буржуазией за то, что они организовали мировую войну... Митинг окончился на рассвете...»²⁷.

Этот эпизод ярко характеризует ту напряженную жизнь, какой жил Рабчинский в дни Февральской революции.

Большевистская организация Эстонии вышла из подполья. На Большой Михайловской улице (сейчас Суур Карья) в доме, где еще совсем недавно заседал крепостной суд, разместились рабочие организации. Здесь находился и Таллинский комитет РСДРП(б). Впервые за много лет своего существования большевистский комитет имел легальную штаб-квартиру. Адрес комитета печатался в газетах и каждый знал, как связаться с партией большевиков.

С утра до ночи в комитет обращались рабочие за указаниями, за докладчиками, за листовками, сюда несли резолюции, принятые собраниями. В комитете с ними разговаривали Рабчинский, Петеркоп, Урб, Хазан, Типпо, Тийвас и другие большевики. Рабчинский был старше многих из них не только по возрасту, но и по революционному стажу — за его спиной насчитывалось двенадцать лет активной партийной работы. Естественно, что в первые дни революции он занял в Таллинском комитете руководящее положение.

Д. М. Хазан, принимавшая тогда активное участие в работе Таллинского комитета, рассказывает:

²⁷ Сб. «Nõukogude võimu eest», Таллин, 1957, стр. 144—145.

«Для нас, молодых коммунистов, Иван Васильевич был общепризнанным и непререкаемым авторитетом. Энтузиазма в нас было хоть отбавляй, а вот опыта, умения, маловато. Рабчинский терпеливо учил нас партийной работе, учил популярно разъяснять рабочим линию партии большевиков, ее лозунги. Серьезный, трудолюбивый, спокойный, он поражал нас своими большими знаниями. Мы, молодежь, обмениваясь мнениями о Рабчинском, с удивлением говорили: «Наверное, много читает...». Нас подкупала его находчивость в ответах, он был очень остроумным собеседником. Работать с ним было легко, радостно, хотя он порой журил нас за промахи... Как сейчас помню Ивана Васильевича в комнате Таллинского комитета, окруженного рабочими, матросами, солдатами. Он спокойно, веско, не торопясь, разъясняет, с чего надо начинать партийную работу, на какие темы в первую очередь беседовать с народом. Это был ленинского типа большевик!»²⁸.

Вскоре после выхода из подполья Таллинский комитет приступил к выдаче «Членских карточек РСДРП». Сохранилась членская карточка, выданная Рабчинскому 12 марта 1917 года. Она представляет собою вдвое сложенный лист толстой бумаги. На обложке имя и фамилия члена партии, печать комитета. Внутренние страницы разграфлены на клетки, в каждой из них отметка кассира об уплате членских взносов за один месяц. На последней странице напечатан лозунг «Да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия»²⁹.

Ряды Таллинской организации РСДРП(б) быстро росли. Если на первое открытое собрание таллинских большевиков, состоявшееся 10 марта 1917 года, явилось всего лишь 40—50 человек, то в конце марта в организации было уже несколько сот членов. В партийную работу включились эстонские большевики, томившиеся до этого в тюрьме и ссылке: И. Кясперт, Х. Суудер и другие. В середине марта в Таллин из Нарвы переехал выдающийся эстонский большевик Ян Анвельт — он был назначен редактором газеты «Кийр». Рабчинский и Анвельт раньше не знали друг друга, первая же встре-

²⁸ Запись беседы автора с Д. М. Хазан от 25 мая 1959 г.

²⁹ Личный архив И. В. Рабчинского в Москве.

Я. Анвельт.

ча положила начало их крепкой дружбе, которая длилась целых два десятилетия. Несколько позже из-за границы и из армии в Таллин вернулись В. Кингисепп, Х. Пегельман, Н. Янсон и другие.

Таллинская организация РСДРП(б) состояла главным образом из эстонских рабочих. Естественно, что первую скрипку в ее руководстве призваны были играть эстонские партийные кадры, хорошо знающие свой край, народ, язык, давно связанные с эстонским революционным движением. Рабчинский от всего сердца помогал им

своим опытом. С первых же дней у него наладилась дружная работа с эстонскими партийными кадрами и никогда она не омрачалась какими-либо недоразумениями.

Эстонские большевики ценили в Рабчинском принципиальность, умение сплачивать рабочих, солдат и матросов на базе пролетарского интернационализма, такт, с которым он вносил свою долю в руководство большевистской организацией Эстонии.

В марте 1917 года Иван Васильевич на короткое время выезжал в Петроград. Об этой поездке свидетельствует документ, сохранившийся в его личных бумагах: билет для входа на Марсово поле «в день торжественных похорон жертв революции» 10 (23) марта 1917 года³⁰.

Большевики Эстонии с огромной радостью узнали о возвращении 3 апреля 1917 года в Россию вождя партии и пролетариата Владимира Ильича Ленина. Вскоре им стали известны исторические ленинские тезисы, определившие курс партии на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Апрельские тезисы Ленина единодушно были приняты I конференцией Северо-балтийских организаций РСДРП(б), которая проходила 16—17 апреля 1917 года в Таллине. На ней было представлено 2000 большевиков. Рабчинский был делегирован на конференцию Таллинской организацией вместе с Анвельтом, Хейнтуком, Алисе Тислер и другими. Председателем конференции избирается Анвельт, а его заместителем Рабчинский. Это была первая легальная конференция эстонских большевиков. Она избрала Северо-Балтийское бюро РСДРП(б), в состав которого в качестве заместителя председателя вошел Рабчинский.

А на следующий день, 18 апреля (1 мая по новому стилю), Иван Васильевич впервые участвует в Таллине в первомайской демонстрации. Тысячи рабочих, солдат и матросов с развевающимися на весеннем ветру красными знаменами проследовали через весь город к Кадриоргскому парку. Во главе бесконечной колонны шли члены Таллинского комитета РСДРП(б). В пронизан-

³⁰ Личный архив И. В. Рабчинского. Билет № 938, выдан комиссией по похоронам при исполкоме Петроградского Совета.

ном солнцем воздухе торжественно звучали революционные песни. Рабчинский вливал свой сильный голос в могучий хор народа. Было светло и радостно на душе. Праздник был несколько омрачен наглой вылазкой эстонской буржуазии. Рассказывая о ней, Рабчинский одновременно восторгается исключительным тактом, проявленным эстонскими рабочими, и их высокой сознательностью:

«Вспоминается такой небольшой инцидент. Вдоль Тарту маантеэ в Таллине движется многочисленная демонстрация трудящихся. В ней участвуют рабочие, солдаты, матросы и городская мелкая буржуазия. Впервые эстонская буржуазия поднимает свои национальные флаги. Ясная солнечная погода. Играет оркестр. На разных языках звучит «Марсельеза». И вдруг некоторые матросы начинают срывать эти новенькие флажки. Сре-

Удостоверение.

Избираю Рабчинский избрания
Копляевский подрайонный Ревельской орга-
низации Рос. Соц-Дем. Рабочей Партии на
конференции в Петербурге, инициатива
Ситов 22. Апрель 1917. от правления города.
Избрание удостоверено ситов 25. Апрель 1917.
Городской.

Городской Совет Редор Селицкий

Селицкий И. В.

Удостоверение об избрании И. В. Рабчинского делегатом VII
(Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б).

ди эстонской мелкой буржуазии замешательство. Но после минутной заминки выступают вперед эстонские рабочие и с пением «Марсельезы» сами начинают срывать флажки. Матросы замечают свою ошибку, и никто из них больше не вмешивается, но все флажки сорваны, и теперь уже самими эстонскими рабочими... Это был прекрасный урок классовой борьбы»³¹ — заключает Рабчинский.

Было объявлено о созыве VII Всероссийской конференции РСДРП(б). Таллинские большевики решили послать на конференцию Вакмана, Рабчинского и Айзупиета. Мандат, полученный Рабчинским, гласил: «Тов. Рабчинский избран Коппельским подрайоном Ревельской организации РСДРП на конференцию в Петербурге, имеющую быть 22 апреля 1917 года, с правом голоса».

Рабчинский снова в Петрограде. Открытие конференции задержалось на два дня. «23 апреля, в 2 часа дня, в главном зале дома Кшесинской открылось предварительное совещание участников конференции... Зал весь в зелени и красных знаменах... Представитель ЦК оглашает предварительный порядок дня. Вносится ряд предложений и дополнений... Оглашается регламент конференции и принимается с поправками. Тов. Ленин, встреченный громом аплодисментов, делится своими впечатлениями от русской революции и от последнего кризиса в связи с нотой Временного правительства. Он приводит богатый фактический материал, он связывает его в одно целое и дает социал-демократическую оценку...»³².

На этом предварительном совещании делегатов конференции присутствовал Рабчинский, и здесь он впервые имел счастье слушать Ленина, излагавшего свои знаменитые Апрельские тезисы. «В доме Кшесинской было первое собрание, на которое явился долгожданный Владимир Ильич»³³ — писал Рабчинский в своей

³¹ И. Рабчинский, «Октябрьские дни в Эстонии», в сборнике «Победа Великой Октябрьской социалистической революции», М. 1958, стр. 411.

³² «Социал-демократ» (Москва) от 10 мая (27 апреля) 1917 г.; цитируется по книге: VII (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б), М. 1958, стр. 315.

³³ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 1583, л. 12 (об.).

автобиографии. «Все, что волновало умы, что подсознательно ощущалось, что существовало в еще незрелой, неопределенной форме, сразу же обрело полную ясность в тезисах В. И. Ленина»³⁴ — пишет Рабчинский о том впечатлении, какое произвел на него гениальный ленинский документ. Без минуты колебания, твердо, решительно Рабчинский встал на ленинские позиции.

Открытие конференции состоялось 24 апреля. Открыл ее краткой вступительной речью В. И. Ленин. Владимир Ильич делал на конференции доклады о текущем моменте, аграрном вопросе и о пересмотре партийной программы. «Бывают, очевидно, моменты, когда человек усваивает себе чего либо так много, на что в других случаях ему потребовались бы годы, — пишет Рабчинский. — Я, как губка, впитал в себя уроки конференции. Но самое главное — она дала ясную как день перспективу: мы должны держать курс на социалистическую революцию. Но мало было провозгласить этот лозунг, его надо было доказать. Владимир Ильич Ленин это сделал, он гвоздями вбил в голову каждого эту мысль. Вся последующая работа была ясна в свете этой перспективы»³⁵.

Огромное значение имел для большевиков национальных районов обсуждавшийся на конференции национальный вопрос. И. В. Сталин в своем докладе изложил национальную политику партии. В написанной В. И. Лениным резолюции указывалось, что интересы рабочего класса требуют слияния рабочих всех национальностей в единых пролетарских организациях — политических, профессиональных и других. Большевики Эстонии действовали в духе ленинских принципов национальной политики.

Как делегат конференции И. В. Рабчинский заполнил анкету, в которой дал Центральному Комитету партии сведения о состоянии и деятельности Таллинской организации РСДРП(б). В организации состоит около 1600 человек, тогда как до войны было 125, а в 1916 году — 50 человек. В Таллине быстро растет профессиональное движение, раньше всех в России введен 8-часовой рабочий день. Рабчинский сообщил Центральному Комитету

³⁴ И. Рабчинский, Октябрьские дни в Эстонии, указ. сборник, стр. 409.

³⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 1583, лл. 12 и 13.

о росте влияния большевиков на массы, о работе среди крестьян и батраков³⁶.

Вернувшись в Таллин, Рабчинский горячо и убежденно разъясняет основные положения тезисов Ленина. Первым долгом он делает доклад на собрании таллинских большевиков, в котором приняли участие рабочие-активисты и делегаты от сельскохозяйственных рабочих. Доклад Рабчинского вызвал огромный интерес, посыпались вопросы. Собрание длилось пять с половиной часов.

Рабчинский подробно изложил точку зрения Ленина на войну, на братание, на Временное правительство, на роль Советов. «Когда же разговор зашел о национализации земли, — вспоминает Рабчинский, — то все без исключения заинтересовались аграрным вопросом. Все другие вопросы остались в стороне и все говорили о земле, перебивая друг друга. Я разъяснил тезис Ленина о том, что крестьянство во главе со своими Советами должно сейчас же взять помещичью землю в свои руки, но без поджогов и уничтожения инвентаря, чтобы уже на следующий день можно было приступить к работе и получить в два раза больше хлеба...»³⁷.

Рабчинский выступает с докладами о конференции перед рабочими, солдатами и матросами, разъясняет им курс большевистской партии. Учитывая, что среди солдат и матросов преобладают выходцы из деревни, Рабчинский делает упор на разъяснении решений конференции по аграрному вопросу. Так, 13 мая 1917 года газета «Свободное слово солдата и матроса» сообщала: «В матросском клубе в Таллине состоялся доклад т. Рабчинского на тему «Аграрный вопрос». Доклад длился более двух с половиной часов и имел громадный успех. Собрание поручило председателю просить т. Рабчинского чаще посещать клуб со своими лекциями».

Вооруженная решениями Апрельской конференции, партийная организация Эстонии повела борьбу за массы. С каждым днем эта борьба становилась все острее и острее. В Таллине в первые месяцы революции эсеры пользовались большим влиянием, особенно в войсках. В плену эсеровской демагогии находилась и часть ра-

³⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 74, лл. 46 и 48 (об.).

³⁷ И. Рабчинский, Октябрьские дни в Эстонии, указ. сборник, стр. 410.

бочих. Заметное влияние имели и меньшевики. Это нашло отражение в составе Таллинского Совета, в мае в нем насчитывалось 58 большевиков, 87 эсеров, 29 меньшевиков и 29 беспартийных. Большевики неустанно, страстно и решительно разоблачали соглашательство меньшевиков и эсеров.

Главная работа велась в массовых организациях. Рабчинскому Таллинский комитет РСДРП(б) поручил разьяснять большевистские идеи в тех массовых организациях, где преобладали русские трудящиеся, солдаты, матросы. В апреле 1917 года в Таллине были созданы два гарнизонных клуба — матросский и армейский. Их деятельность развернулась очень широко и охватила весь укрепленный район. Большевики уделяли работе в этих клубах большое внимание.

«В любой день можно было найти у нас или И. В. Рабчинского, или В. Э. Кингисеппа, или кого-либо из рабочих-эстонцев, членов ревельской организации, — рассказывает руководитель армейского клуба П. И. Девышин. — ... Они присматривались к нашей работе, беседовали с солдатами, иногда выступали и на собраниях. ... Товарищам Рабчинскому и Кингисеппу принадлежит большая заслуга в деле политического воспитания солдат Ревельского укрепленного района. Их охотно слушали и относились к ним с большим уважением»³⁸.

Среди солдат многие еще поддерживали эсеров. Рабчинский в своих докладах и лекциях в армейском клубе разоблачал антинародную политику эсеров, убедительно доказывал правоту большевистских идей. Так, 16 мая он читал лекцию в армейском клубе по аграрному вопросу: «Лекция продолжалась в течение 4 часов, — сообщает «Утро Правды». — Товарищ говорил о национализации земли, при чем параллельно приводил взгляды по этому вопросу социалистов-революционеров... Были приведены многочисленные примеры из реальной жизни о несостоятельности основных положений социализации земли... Клуб армейцев через своего председателя выразил благодарность т. Рабчинскому за лекцию»³⁹.

Эсеры отчаянно боролись за то, чтобы удержать под своим влиянием такой важный пункт как Таллин. На

³⁸ Сб. «Nõukogude võimu eest», Таллин, 1957, стр. 66—84.

³⁹ «Утро Правды» от 20 мая 1917 г.

помощь местным эсерам то и дело приезжали из Петрограда лидеры — Чернов, Лебедев, Брешко-Брешковская и другие. Они выступали на митингах и собраниях, всячески расхваливая свою политику и Временное правительство. Таллинские большевики давали бой «гастролерам». Неоднократно приходилось скрещивать с ними оружие и Рабчинскому.

Так 15 мая 1917 года на завод Беккера отправился приехавший накануне из Петрограда в Таллин эсеровский лидер Лебедев. Он выступил на собрании рабочих с высокопарной, демагогической речью. Вслед за ним блестяли своим красноречием местные эсеры. А потом взяли слово большевики. «Не с красивыми и высокопарными словами выступали они, — пишет «Утро Правды», — а с суровой и тяжелой правдой, вынесенной из окопов»⁴⁰.

Решительную отповедь дал эсерам и их лидеру Рабчинский. Он показал, что эсеры, призывая к продолжению империалистической войны, идут против народа, против солдат; рабочие должны идти в ногу с солдатами, которые поддержали в свое время их требование о 8-часовом рабочем дне. Эсеры пытались криками заглушить речь Рабчинского, заставить его сойти с трибуны. «Ни председатель, ни протесты со стороны огромного большинства рабочих не могли прекратить obstruction этих лиц, громко шумевших и не дававших говорить оратору, — читаем мы в газетном отчете об этом собрании. — ... Три четверти собрания рабочих протестовало против крикунов и когда переизбирался председатель собрания, то подавляющим большинством голосов был избран с.-д. большевик Кузьмин»⁴¹.

Редкий день проходил без того, чтобы Рабчинский не выступил на каком-нибудь многолюдном митинге. Газеты тех недель полны сообщений о выступлениях Рабчинского на митингах. Даже эсеровская газета «Тёэ Липп» была вынуждена признать, что на состоявшемся в Старом порту митинге рабочих Рабчинского слушали охотно, а эсеровских ораторов, пытавшихся выступить, рабочие отказались слушать⁴². 19 июня «Кийр» сооб-

⁴⁰ «Утро Правды» от 20 мая 1917 г.

⁴¹ Там же.

⁴² «Тёэ Липп» от 17 июня 1917 г.

шала, что в помещении цирка состоялось многолюдное собрание, на котором речь по аграрному вопросу произнес Рабчинский, речь его была выслушана с большим вниманием⁴³. В тот же день «Кийр» писал, что на массовой демонстрации трудящихся Таллина 18 июня Рабчинский выступал дважды — на Новом рынке и в Кадриоргском парке⁴⁴.

Оратор Рабчинский был своеобразный. Он избегал пышных фраз, говорил спокойно, словно размышляя, его речи походили на беседы опытного, бывалого человека с друзьями. Аудитория быстро проникалась к нему доверием и уважением. Во время выступления он почти не жестикулировал, лишь изредка поднимет руку и решительно, энергично разрубит ею воздух. Рабчинский всегда находил сердечные слова, когда речь шла о рабочем, солдате, матросе, и речь его сразу наполнялась сарказмом, когда дело касалось эсеров, меньшевиков буржуазных политиканов.

В конце мая 1917 года на Петровской площади состоялся митинг в честь матросов с «Андрея Первозванного» и других кораблей, прибывших в Таллин из Гельсингфорса. Среди выступавших был инженер Филлелла, называвший себя социалистом; это не помешало ему заявить на митинге, что «если погибнет буржуазия, то погибнет и народ». Выступил Рабчинский. «Он успокаивал защитника буржуазии, — читаем мы в «Утро Правды», — пусть он не боится за участь 160-миллионного народа, [которому противостоят] несколько тысяч лиц, составляющих ядро буржуазии; они ничтожное меньшинство и должны подчиниться огромному большинству. Пусть он не боится ни за этих лиц, ни за себя... если власть перейдет к народу, то все это ядро буржуазии с инженером вместе могут приложить свои знания, опыт и труд на пользу народа. Неужели инженеру приятнее работать на капиталиста, а не на народ?!»⁴⁵.

Изо дня в день по эсерам и меньшевикам били подобно паровому молоту большевистские газеты. Высоко несла знамя большевизма эстонская газета «Кийр». 17

⁴³ «Кийр» от 19 июня 1917 г.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ «Утро Правды» от 31 мая 1917 г.

18 июня 1917 года. Колонна таллинских рабочих, солдат и матросов во время демонстрации в Кадриоргском парке. Здесь перед участниками демонстрации выступил И. В. Рабчинский.

мая 1917 года на заводах, в полках и флотских экипажах появилась новая газета — на русском языке — под радующим сердце названием: «Утро Правды». Редакция объясняла, что газета названа так «в признание тесной идейной связи с центральным партийным органом «Правда»»⁴⁶.

«Утро Правды» выходила в Таллине два раза в неделю. По средам и пятницам к 8 часам утра в Дом рабочих на Суур-Карья, где находилась редакция и контора «Утро Правды», собирались товарищи, посланные комитетами РСДРП(б) районов и подрайонов, заводами, полками и т. д. Они забирали свежие номера газеты и несли их в свои коллективы. Газета быстро завоевала любовь читателя. В одном из первых номеров появился стихотворный привет новой газете:

«Утру Правды» — наш привет!

Родной голос зазвучал:

К старому возврата нет!

Зови к борьбе за идеал!⁴⁷

⁴⁶ «Утро Правды» от 17 мая 1917 г.

⁴⁷ «Утро Правды» от 20 мая 1917 г.

Редактором газеты на общем партийном собрании таллинских большевиков был назначен Иван Васильевич Рабчинский. Он не был новичком в журналистском деле. В 1906 году Рабчинский редактировал рабочие журналы «Локомотив» и «Электромонтер». В тюрьме выпускал рукописный журнал. Он любил и умел писать. Писал он несколько громоздким слогом, но искренно и свежо. В «Утро Правды» Рабчинский проявил себя талантливым публицистом. В каждом номере появлялись его статьи, оперативно откликавшиеся на события.

«Утро Правды» не имела редакции в том виде, в каком мы сейчас представляем себе редакцию газеты — со штатными журналистами, отделами и т. д., — рассказывает Д. М. Хазан. — Даже отдельного помещения у газеты не было. Редакция и контора «Утро Правды» находились в тех же комнатах, где работали Таллинский Комитет РСДРП(б) и «Кийр». Приходили рабочие, солдаты и матросы в комитет, а заодно связывались и с редакцией. Их просили тут же написать заметку, корреспонденцию. Поступали в комитет резолюции, письма с мест, они обрабатывались для газеты. Газету «Утро Правды» делала вся русская секция, но главная тяжесть, конечно, ложилась на плечи Ивана Васильевича. Он яснее других понимал, что именно нужно дать в очередной номер, как разместить материал. Газетой он занимался наряду с другими партийными делами и его работа редактора как-то сливалась с выполнением других партийных заданий. Сразу было видно, что он обладает литературным опытом. Возьмет солдатское или рабочее письмо, пробежит его глазами и со словами «Пойдет, пойдет!» присаживается к столу. Быстро выправит письмо и отправит в типографию. В общей комнате, под разговоры и шум, Рабчинский писал и свои статьи для «Утро Правды»⁴⁸.

В первом же номере редакция ясно и четко сформулировала партийную позицию газеты, заявила, что приложит все силы к тому, чтобы «Утро Правды»: «выражала наши интересы и задачи в полной и теснейшей связи с задачами и целями всего рабочего класса во всем его международном объеме». Газета будет стоять «на началах непреклонной последовательной и чистой линии научного социализма».

⁴⁸ Запись беседы автора с Д. М. Хазан 25 мая 1959 г.

Излагая программу новой газеты, редакция писала в передовой статье первого номера: «Мы будем говорить против войны, пока она носит империалистический характер и власть находится в руках буржуазии... Мы говорим и доказываем необходимость перехода власти к Советам рабочих, крестьянских и других депутатов... Мы будем стараться вести энергичную агитацию за широкую организацию пролетариата и крестьянства... В аграрном вопросе мы будем защищать [идею] национализации земли...»⁴⁹.

Эту программу редакция проводила четко и последовательно. Каждое слово в «Утро Правды» служило делу большевистской партии и социалистической революции. Наиболее важные статьи принадлежат в ней перу Рабчинского. Он пользовался каждым случаем, чтобы разъяснить трудящимся взгляды большевистской партии, укрепить в них веру в партию Ленина.

В конце мая в Таллине происходили очередные выборы гласных в городскую думу. Большевистская организация стремилась использовать избирательную кампанию для завоевания масс на свою сторону, для разоблачения соглашателей. Рабчинский пишет статью «Кого выбирать». Некоторые избиратели, указывает автор, просят назвать «несколько хороших и верных людей, которые наверняка будут отстаивать интересы народа и за которых можно было бы со спокойным сердцем голосовать». Рабчинский дает совет избирателям — искать таких людей в списке кандидатов РСДРП(б), так как: «Социал-Демократическая Рабочая партия самым широким образом удовлетворяет требованиям трудящихся масс», а ее последовательность, сплоченность и дисциплинированность гарантируют избирателю, что партия добьется социалистической жизни. Статью Рабчинский заканчивает уверенностью, что «пролетариат и массы народные, [и все], у кого открыты глаза, пойдут только за нею»⁵⁰.

На конкретных событиях «Утро Правды» показывала трудящимся, какой огромный вред причиняют эсеры и меньшевики народу своей соглашательской политикой. «Утро Правды» широко освещала поведение эсеров и

⁴⁹ «Утро Правды» от 17 мая 1917 г.

⁵⁰ Там же.

меньшевиков во время конфликта Таллинского Совета со ставленником Временного правительства в Эстонии губернским комиссаром Поска. Таллинский Совет за игнорирование воли народа отстранил Поска от поста губернского комиссара и заявил, что вся власть переходит к исполкому Совета. Это решение было принято Советом, в котором преобладали эсеры и меньшевики, под давлением масс. Трудящиеся горячо приветствовали революционный шаг Совета. Рабчинский в статье «Совет и комиссары» призывал членов Таллинского Совета показать, какой должна быть власть, полученная от народа:

«Каждый должен знать и чувствовать, что работа производится самим народом без какой бы то ни было опеки и давления сверху. Просто взять в свои руки власть — это еще мало; нужно суметь ее удержать, и это будет нетрудно, если действительно опираться на полное доверие народа. Ревельский Совет делает историческую работу, если он упрочит единовластие. Он должен вместе с Кронштадтом послужить примером в этом для других Советов... Имея все это ввиду Ревельский Совет должен проникнуться огромной важностью взятый на себя роли и твердо действовать»⁵¹.

Однако Таллинский Совет сдал свои позиции и отказался от своего решения. Большевики гневно осудили беспринципность соглашателей. Кингисепп заклеил их позором в газете «Кийр», а Рабчинский в «Утро Правды»:

«Итак, большинством социалистов-революционеров в Ревельском Совете рабочих и воинских депутатов вопрос о комиссаре перерешен в обратную сторону... Делается все более и более ясным, что Совет в своем большинстве все больше и больше изолирует себя от революционной массы рабочих, флота и армии. Совет подпадает под влияние политики Временного правительства и постепенно отходит от той массы, которая его избрала. А в этом есть грозный признак его нежизненности... Нельзя стоять посередине между народом и буржуазией: либо с народом, либо с буржуазией, и тогда будет ясно; нельзя вести затушеванную политику, но совершенно недопустимо, чтобы она вихляла из стороны в сторону: один день

⁵¹ «Утро Правды» от 31 мая 1917 г.

так, другой иначе. Власть должна быть только у Совета, а Совет должен быть только на стороне большинства — рабочих и беднейшего крестьянства, с армией и флотом»⁵².

Эсеры и меньшевики быстро теряли свои позиции в массах. Это убедительно показала демонстрация 18 июня в Таллине. «Утро Правды» печатает статью Рабчинского «Снизу идет» об уроках демонстрации. Указывая, что Таллинскому Совету следует глубоко задуматься над итогами демонстрации, автор далее пишет:

«Мы довольны этим днем; подсчет наших сил с нашими лозунгами показал, что подавляющее большинство участников демонстрации идут за нами. А кто идет за большинством Совета, эсерами и меньшевиками? Неужели это те силы, которые по зову Совета оставались дома или организовали группы для нарушения стройности демонстрации!?»⁵³.

Временное правительство при поддержке эсеров и меньшевиков продолжало ненавистную народу империалистическую войну. Большевики Эстонии настойчиво разъясняли трудящимся, что дело мира восторжествует лишь тогда, когда власть перейдет в руки революционного народа. В статье «Где лежит конец войне» Рабчинский умело связывает вопрос об окончании империалистической войны с вопросом о победе социалистической революции в России, одновременно разъясняя ленинское положение о возможности победы социализма первоначально в одной отдельно взятой стране, в России:

«Уже теперь нет человека, который не задумывался бы над тем, как кончить войну... Здесь двух мнений между социалистами не может быть: капиталисты повсюду должны быть устранены от власти, сделать это может только рабочая революция, к ней и должны быть направлены усилия. Какая-нибудь страна должна начать это делать. Какая? Та, у которой наиболее благоприятны для этого условия. Не является ли Россия такою страной?! И только лишь тогда, когда власть целиком перейдет к народу, к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, можно будет начать говорить об окончании войны...»⁵⁴.

⁵² «Утро Правды» от 3 июня 1917 г.

⁵³ «Утро Правды» от 20 июня 1917 г.

⁵⁴ «Утро Правды» от 13 июня 1917 г.

О том же Рабчинский пишет в яркой и страстной статье «Наступление», обличающей преступление Керенского и его клики, погнавших русских солдат в мясорубку на Галицийском фронте:

«И каждый из нас должен положить все силы на то, чтобы Советы, если они не хотят изменить собственному народу, если они не хотят изменить собственным словам, с которыми они обратились к народам всего мира, если они не хотят прядущей анархии, в которой погибнут и они сами, — они немедленно возьмут всю власть в свои руки, приостановят наступление и властно повторят народам всего мира требование всеобщего мира. Только это может предотвратить страшную мировую катастрофу!»⁵⁵.

Эстонская буржуазия для укрепления своего классового господства рядилась в тогу защитника и выразителя национальных интересов эстонского народа. Пресмыкаясь перед Временным правительством, заручившись его поддержкой, эстонская буржуазия за спиной у народа вынашивала планы создания своих «общенациональных» учреждений и приступила к осуществлению этих планов. Большевики Эстонии разьяснили трудящимся, что политика буржуазии не имеет ничего общего с подлинными интересами эстонского народа. Подлинную свободу и национальную независимость эстонскому народу принесет только социалистическая революция в России. «Утро Правды», как бы выражая мысли и чувства русского пролетариата, писала в передовой статье, посвященной национальному вопросу в Эстонии:

«Долго томившаяся и задавленная Эстония наконец стоит на пороге своего родного запущенного дома. Много предстоит работы по перестройке и производству капитальнейшего ремонта в своем здании. Новое строительство захватывает все слои Эстонии. Но в то время, как эстонская народная масса пока что приступает к [возведению] фундамента дома, эстонская буржуазия занята мыслью о его окраске, заранее намечая себе удобное помещение и заботится об устройстве надежной изгороди для защиты против народа. Такой изгородью являются свои буржуазные полки... Не буржуазия, а эстон-

⁵⁵ «Утро Правды» от 20 июня 1917 г.

ский народ должен действенным образом добиваться и осуществлять свою полную самостоятельность и независимость, и русский народ в этом окажет ему содействие. Только в дело это не должна вмешиваться эстонская буржуазия, которая **своими** «проектами» о самоуправлении вносит путаницу в общее дело, вредя широким интересам своего же народа»⁵⁶.

Эсеры и меньшевики все больше и больше отходили от народа, расчищая путь контрреволюции. Дело шло к установлению открытой буржуазной диктатуры. Эсеро-меньшевистские Советы сами уступали всю власть в стране буржуазии. Большевики разоблачали предательство эсеров и меньшевиков, сплачивали трудящихся для отпора поднимающей голову контрреволюции. Большевики Эстонии вели эту работу с подлинной самоотверженностью. «Кийр» и «Утро Правды» прямо говорили народу о грозящей ему опасности. Рабчинский напечатал в «Утро Правды» статью «Война есть война», в которой указывает, что война и реакция идут рука об руку:

«Мы должны... помнить и знать, что с этим наступлением открыта дорога для контрреволюции и нам надо быть в организованном всеоружии, чтобы не дать реакции развития и широкого движения. Впереди предстоит больше дела, чем когда то ни было раньше. Ни на одну секунду не надо забывать, что мир будут и должны заключать народы, а не империалисты»⁵⁷.

В следующем номере «Утро Правды» в статье «Война войне» Рабчинский с гневным сарказмом изобличает подлое лицемерие эсеров и меньшевиков, их союз с реакцией. Указывая, что эсеры и меньшевики лживо заявляют, что они против войны, а поддерживая наступление, якобы, объявляют «войну против войны», автор пишет:

«Бывает так, что не хватает слов для выражения возмущения человеческой наглостью. Так и здесь. Разве этот ублюдочный лозунг не продиктован министрами-капиталистами, чтобы обмануть слепцов и разве не англо-французские банкиры застращали до смерти наших «горе-социалистов», которые по петушиному, высо-

⁵⁶ «Утро Правды» от 20 мая 1917 г.

⁵⁷ «Утро Правды» от 23 июня 1917 г.

ким фальцетом, запели в унисон с капиталистической звонкой октавой, исходившей из французской биржи и лондонского Сити? «Война войне!» Кто имеет право сказать такие слова, кроме пролетариата, кроме самого народа! Ведь такие слова могут быть продиктованы только величайшим бескорыстием; неужели банкиры вдруг потеряли вкус к корыстолюбию!»⁵⁸.

Реакция рвется к единовластию. Она от угроз переходит к репрессиям. Керенский отдает приказ об аресте редактора большевистской газеты «Окопная Правда». Рабчинский откликается на страницах «Утро Правды» статьей «Имитаторы», в которой, высмеивая «политику устрашения», проводимую Керенским, пишет:

«Ну чтож, действуйте, как можете, покажите свои способности и наклонности, по талантам вашим и дела ваши. Все-таки это яснее, чем слова и щедрые поцелуи, и истерические обмороки. Шаг сделан такой, что противно говорить, противно писать... Нет, господа, не в фавватере идете вы, а качаетесь между камней. Прошли времена Наполеона и смешны подражатели. Сейчас происходит величайшая буря, но вы из своих каюток, самозабвенные в своем величии, ее не замечаете, но скоро вы ее ощутите, когда напоретесь на камень»⁵⁹.

Июльские события в Петрограде знаменовали собой переход реакции в решительное наступление на пролетариат, ликвидацию двоевластия в пользу буржуазии. Когда в Таллин пришли известия о расстреле демонстрации питерских рабочих, о репрессиях против большевиков, Рабчинский напечатал в последнем номере «Утро Правды» статью «Попрежнему», исполненную несокрушимой уверенности в неизбежности социалистической революции. Статья заканчивается вдохновенными словами: «С открытым сердцем и пламенной верой в успехи будем продолжать дело социализма. С нами жизнь и правда»⁶⁰.

⁵⁸ «Утро Правды» от 27 июня 1917 г.

⁵⁹ «Утро Правды» от 10 июня 1917 г.

⁶⁰ «Утро Правды» от 11 июля 1917 г.

В ночь с 13 на 14 июля 1917 года по приказу коменданта крепости в Дом рабочих на Суур-Карья ворвались офицеры. Они начали погром в редакциях «Кийр» и «Утро Правды», рвали рукописи, уничтожали книги, списки подписчиков на газеты, даже железный шкаф был взломан. «Кийр» и «Утро Правды» были запрещены. Вскоре по приказу Керенского военные власти арестовали редактора «Кийр» Яана Анвельта. Был отдан приказ и об аресте И. В. Рабчинского, но его укрыли в своих казармах артиллеристы.

Закрытие большевистских газет вызвало взрыв возмущения на заводах и фабриках Таллина. Рабочие «Двигателя» в знак протеста объявили однодневную забастовку. Реакция просчиталась, репрессии не только не подорвали силы и влияние большевиков, а напротив завербовали им новых сторонников в трудовом народе. По требованию Таллинского Совета Анвельт был освобожден. Взамен «Кийр» уже 15 июля начала выходить газета «Тёэлине». Две недели спустя возобновился выход русской газеты под новым названием «Звезда». Редактировал ее, как ранее «Утро Правды», И. В. Рабчинский.

22 июля на совместном собрании бюро Северо-Балтийского комитета РСДРП(б), редакции «Тёэлине» и других большевистских организаций была избрана делегация большевиков Эстонии на предстоящий VI Всероссийский съезд РСДРП(б). Одним из делегатов был избран Рабчинский. Иван Васильевич снова едет в Петроград.

VI съезд РСДРП(б) состоялся 26 июля — 3 августа 1917 года. Заседал он полулегально, часто меняя место работы. Ленин не мог присутствовать на съезде, но направляющая мысль Ильича определила всю его работу, все его решения. Съезд выдвинул лозунг борьбы за полную ликвидацию диктатуры контрреволюционной буржуазии, лозунг завоевания власти пролетариатом в союзе с беднейшим крестьянством путем вооруженного восстания.

Рабчинский вместе с другим делегатом от Таллинской организации РСДРП(б) Ковви заполнили опросной лист, в котором подробно сообщили Центральному Ко-

вся революционная демократия [способна] осуществить задачи революции в отношении мира и ослабления страшного надвигающегося краха. Другое не дано. Надо спешить, чтобы не было слишком поздно. Промедление смерти подобно»⁶³.

Неутомимая работа Рабчинского на благо трудящихся Эстонии, его большевистская прямота и принципиальность стяжали ему уважение и доверие эстонских рабочих. Они видели в русском большевике своего верного друга. Эстонская буржуазия делает попытку очернить Рабчинского, подорвать к нему доверие эстонских трудящихся. Накануне выборов в городскую думу, в которую должен был баллотироваться вместе с Я. Сихвером, Ю. Лиlienбахом, А. Тислер, Г. Суудером и другими большевиками и Рабчинский, в буржуазной газете «Пяэвалехт» появляется злобная, клеветническая заметка. Автор грязного пасквиля, спекулируя на национальных чувствах эстонских трудящихся, пытался приписать Рабчинскому шовинистическую позицию, лгал, будто в начале революции Рабчинский был близок к буржуазной газете «Ревельское слово». Клеветник с наигранным удивлением вопрошал: «На каком пути в Дамаск произошла столь внезапная перемена его настроений, было бы интересно это выяснить».

Рабчинский поместил на страницах эстонской большевистской газеты «Тээлине» полный достоинства ответ, в котором до конца изобличил «Пяэвалехт» в грязной и преднамеренной клевете:

«У меня не было **никаких отношений** с «Ревельским словом» ни прежде, ни после ее выхода. Уже по поводу выхода первого номера я резко высказал свое отрицательное отношение к этой газете. . . Я **служу** в Военно-промышленном комитете и продаю капиталу свою рабочую силу на тех же условиях, на каких это вынужден делать всякий рабочий на всяком заводе. . . С первого дня революции я был там, где надлежит быть революционеру. . . Я **свободно** высказал свое мнение перед большой массой народа на третий день революции в революционном 3-м Артиллерийском полку, который направлялся в Таллин с пушками и пулеметами, чтобы

⁶³ «Звезда» от 25 августа 1917 г.

помочь восставшим против старого строя. Что я говорил, к чему призывал их и когда они услышали о приказе № 1, об этом спросите их. . . Мой «путь в Дамаск», если вам угодно знать, пролегает через петербургскую тюрьму предварительного заключения, пересыльную тюрьму «Кресты» и этапы, начиная с 1905 года»⁶⁴.

К походу эстонской буржуазии против Рабчинского присоединились и эсеры и меньшевики. Безо всяких к тому оснований они стали оспаривать правильность его полномочий депутата Таллинского Совета от эстонского рабочего общества «Валвая». Снова и снова поднимали они вопрос об этом на заседаниях Совета с явной целью дискредитировать Рабчинского в глазах масс. Однако им не удалось кассировать выборы Рабчинского в Совет⁶⁵. Рабочие Таллина избрали Рабчинского также в городскую думу; он был членом городской управы, где ведал техническим отделом.

Влияние эсеров и меньшевиков в массах быстро падало, особенно после корниловского мятежа. Это сказалось на позиции Таллинского Совета. В начале сентября 1917 года Таллинский Совет, обсуждая вопрос о центральной власти, высказался за переход ее в руки Советов. За большевиками теперь шли в Таллине не только рабочие, но и почти весь гарнизон. 27 сентября состоялось объединенное собрание Таллинского Совета, Совета Эстонского края, а также представителей рабочих, армейских и флотских организаций. В нем участвовало более 700 человек. С огромным воодушевлением была принята резолюция с требованием передать всю власть Советам. Собрание заявило о своей полной готовности поддержать переход власти к Советам всеми имеющимися силами и мерами. Собранием руководил И. В. Рабчинский, им же написана эта историческая резолюция.

Очень живое и яркое описание этого собрания имеется в повести писателя И. Жига, бывшего в то время членом Таллинского Совета от солдат:

«Собрались делегаты, действительно представлявшие нашу крепость, наш гарнизон, наш флот, наши заводы.

⁶⁴ «Тёэлине» от 5 августа 1917 г. «Путь в Дамаск» — имеется в виду религиозная притча о Христе.

⁶⁵ Центральный Государственный Архив Октябрьской Революции ЭССР (в дальнейшем ЦГАОР ЭССР), ф. Р-1216, оп. 1, ед. хр. 4, лл. 137, 139 и 143 (об.).

Никогда в Ревеле не было таких заседаний. . . Радостно было видеть, как серо-черная рабочая, матросская и солдатская масса неистовым ревом восторга и грохотом здоровенных рук приветствовала нашего большевистского лидера Ивана Рабчинского, когда он вышел на сцену для доклада по вопросу о власти. . . Было радостно видеть, как с открытыми ртами, задрав головы, по-детски наивно, с величайшим вниманием слушали солдаты большевистскую проповедь о классовой борьбе, о том, что наступил момент, когда классы должны столкнуться в открытом бою. . .».

На собрании выступил меньшевик: «. . . он так неисто-во кричал, так сумасшедше бегал, что вдруг оступился, и на глазах у всех юркнул под пол в суфлерскую будку. Это было неописуемое зрелище. Казалось, здание затряслось от грохочущего хохота. . . Меньшевичок, смущенный, вылез из суфлерской будки и, виновато улыбаясь, мгновенно смылся со сцены. А потом, когда наш Иван Рабчинский в заключительном слове, указывая рукой на будку, сказал, что меньшевики и эсеры так же провалились, как провалились их представитель, — черно-серая масса поднялась и заглушила оратора своим неистовым восторгом, своей радостью, своей неизбывной силой. Стало ясно, что время слов прошло, наступило время действовать, настал решительный момент. . .»⁶⁶.

Утром следующего дня Рабчинский на миноносце пересекал Финский залив, направляясь в Гельсингфорс, на областную конференцию большевиков. Он вез резолюцию рабочих, солдат и матросов Таллина. Миноносец уверенно резал большую волну. Вот так же уверенно идет к цели корабль революции, подумал Рабчинский.

В Гельсингфорсе Рабчинский выступил на областной партийной конференции с речью о готовности революционных масс Эстонии к решающей битве за власть Советов. Конференция решила послать Рабчинского и своего представителя И. Смилга в Петроград в Центральный Комитет партии и заверить его, что он может полностью рассчитывать на Балтийский флот, Финляндию и Эстонию. В тот же вечер Рабчинский и Смилга выехали в столицу.

⁶⁶ И. Жига. Начало, повесть, издательство «Московский рабочий», 1928 г., стр. 6—9.

В своей неопубликованной автобиографии Иван Васильевич рассказывает, что он и Смилга сделали доклад в Центральном Комитете: «Я не только информировал о положении дел в Эстляндии, но и доказывал вместе со Смилгой своевременность восстания, принимая во внимание обеспечивающее Петроград революционное кольцо со стороны Эстляндии, Финляндии и Балтийского флота, а также дал полное обещание «не пропустить в сторону Петрограда ни одного противника-солдата со стороны Северной Армии»⁶⁷. Центральный Комитет партии признал информацию представителей Эстонии и Финляндии исключительно важной и решил созвать съезд Советов Северной области.

Повидимому, речь идет о заседании Центрального Комитета РСДРП(б) 29 сентября 1917 года, проходившем под председательством Я. М. Свердлова. В порядке заседания стоял вопрос: «Областной съезд Финляндии и пр.» ЦК решил: «Заслушано сообщение Свердлова о возможности съезда Советов Северной области к 5 октября; съезд признается желательным»⁶⁸. Нам неизвестно, выступали ли Рабчинский и Смилга непосредственно на заседании ЦК или они перед заседанием были у Я. М. Свердлова, но связь между их поездкой в Петроград и решением ЦК о созыве съезда Советов Северной области совершенно очевидна. 5 октября ЦК РСДРП(б) вновь рассматривал вопрос о созыве съезда и перенес его на 10 октября, решив, что в съезде примет участие и Петроградский Совет и созывается он в Петрограде⁶⁹.

Съезд Советов Северной области заседал в Петрограде в здании Смольного 11—13 октября 1917 года. На съезде были представлены более 23 Советов, в том числе Таллинский Совет, его делегатом был И. В. Рабчинский. Из 94 делегатов 51 являлись большевиками. «Когда перед заседанием собралась фракция этого съезда, — пишет Рабчинский, — ... то оказалось, что громадное большинство — коммунисты и левые эсеры. Тут же на фракции зачитано было письмо В. И. Ленина, в котором он доказывал необходимость и своевременность выступления. Мы радовались, что он, анализируя

⁶⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 1583, л. 13 (об.).

⁶⁸ Протоколы ЦК РСДРП(б), август 1917 — февраль 1918; М. 1958, стр. 73.

⁶⁹ Там же, стр. 76.

события со стороны, пришел к тому же выводу; к чему толкала нас настоящая жизнь, повседневная»⁷⁰.

Речь идет о знаменитом письме к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области, написанном Владимиром Ильичом 8 октября 1917 года. Ленин заявил в нем, что вопрос о вооруженном восстании вся партия должна поставить на очередь дня, что с вооруженным восстанием медлить больше нельзя. Несколько раз в ленинском письме упоминается Ревель (Таллин), который призван сыграть большую роль в победе восстания: «На съезде Советов представлена Финляндия, флот и Ревель, которые, вместе взятые, могут дать немедленное движение к Питеру против корниловский полков, движение флота и артиллерии и пулеметов и двух-трех корпусов солдат...»⁷¹.

Далее в письме Ленин пишет: «Дело в восстании, которое *может* и должен решить Питер, Москва, Гельсингфорс, Кронштадт, Выборг и Ревель. *Под Питером* и в Питере — вот где может и должно быть решено и осуществлено это восстание, как можно серьезнее, как можно подготовленнее, как можно быстрее, как можно энергичнее»⁷².

Рабчинский полностью признавал ответственность эстонских большевиков за победу вооруженного восстания. С гордостью воспринял он слова Ленина о роли революционных сил Таллина в последнем и решительном бою с капитализмом. В первый же день были заслушаны на съезде доклады с мест. От Таллинского Совета выступил И. В. Рабчинский. Он сообщил о боевом настроении, которое царит в Таллине и присоединился к требованию о немедленном переходе власти к Советам⁷³.

Председатель съезда Н. Крыленко, подводя итоги докладам с мест, имел полное право заявить: «Все товарищи, которые выступали здесь, за исключением новгородцев, высказались вполне солидарно друг с другом. Основной мотив всех речей, заслушанных вами, основной лозунг — вся власть Советам. Долой существующее

⁷⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 1583, л. 14.

⁷¹ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 158.

⁷² Там же, стр. 159.

⁷³ См. История гражданской войны в СССР, т. 2, М. 1947, стр. 38—40.

Временное правительство!»⁷⁴. На съезде выступил меньшевик, пытавшийся поставить под сомнение правомочия съезда. Он получил решительный отпор от Антонова-Овесеенко, который заявил: «Товарищи, данный съезд был созван Областным комитетом Финляндии по соглашению с Ревельским Советом рабочих и солдатских депутатов... Мы рассматриваем данный съезд, как съезд Северной области». Съезд в специальной резолюции дал достойную отповедь меньшевикам.

Съезд решил организовать Северный областной комитет, на который возложил задачу: обеспечить созыв Второго Всероссийского съезда Советов и сплотить вокруг себя все областные Советы. В Северный областной комитет от Эстонии был избран И. В. Рабчинский: «... в этом комитете, — рассказывает Иван Васильевич, — мы столковались о том, как поступить на местах, с кем держать связь и т. п.; тут был принят план действий... Мы разъехались по местам и каждый из нас знал, что ему надо делать...»⁷⁵.

Рабчинский возвращается в Таллин, докладывает о решениях съезда и о директивах Ленина, изложенных в его письме на имя большевиков-участников съезда, Таллинскому комитету РСДРП(б), который целиком и полностью принял план действий, разработанный съездом Советов Северной области и избранным им комитетом.

В газете «Звезда» Рабчинский печатает статью, посвященную только что окончившемуся съезду: «Съезд Советов Северной области, — говорится в статье, — заложил тот фундамент, который необходим был, чтобы Петроград не был сдан германцам, чтобы был созван Всероссийский съезд Советов и упрочен созыв Учредительного Собрания... Съезд единодушно заявил: вся власть Советам, вся земля народу... прекращение войны и немедленное объявление мира и фактическое перемирие на фронте...»⁷⁶.

В Таллине большевики разворачивают энергичную подготовку к вооруженному восстанию. Между партийными руководителями распределяются участки работы. Мобилизация революционных сил должна была идти через исполкомы Советов, в связи с этим Я. Анвельт взял на

⁷⁴ «Рабочий путь» от 13 октября 1917 г.

⁷⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 1583, л. 14.

⁷⁶ «Звезда» от 19 октября 1917 г.

Удостоверение № 1 Члена Военно-революционного комитета
Эстонского края И. В. Рабчинского.

себя непосредственное руководство исполкомом Таллинского Совета, В. Кингисепп — исполкомом Советов Эстонского края. «Мне, — пишет Рабчинский, — было поручено через армейский клуб тайно организовать все надежные воинские силы крепости, чтобы обеспечить переход власти в руки Советов и в случае сопротивления эсеров, меньшевиков и офицеров подавить его»⁷⁷.

Революционно настроенные полки, штаб Таллинской Красной Гвардии, флотские экипажи получили конкретные задания. Была налажена связь с Советами Тарту, Валга, Нарвы и других городов.

22 октября 1917 года под руководством большевиков прошло совместное заседание исполнительных комитетов Таллинского Совета и Совета Эстонского края. На нем был образован Военно-революционный комитет из 40 человек. Председателем ревкома утверждается Иван

⁷⁷ И. Рабчинский, «Октябрьские дни в Эстонии», указ. сб., стр. 414.

Васильевич Рабчинский. Вот когда революция потребовала от него предельного напряжения всех своих сил. Приближались решающие дни.

4

Военно-революционный комитет Эстонского края разместился в центре города в суровом, деловом здании Окружного суда на Пярну маантеэ, которое еще в конце сентября 1917 года было занято Таллинским Советом рабочих и воинских депутатов; до этого Совет находился в пышных покоях стоявшего на окраине Кадриоргского дворца. Ревком имел в своем распоряжении две смежные комнаты и прилегающий к ним зал для заседаний. В передней комнате находился секретариат, в задней, поменьше, кабинет Рабчинского. Здесь стоял простой стол, несколько стульев, на стене висел телефон.

Весть о создании Военно-революционного комитета быстро облетела заводы, полки, флотские экипажи. Было ясно — решающий бой теперь уже близок! Глубоко символичным казался тот факт, что штаб восстания в Таллине разместился в тех самых стенах, где еще недавно царский суд вершил расправу над лучшими сынами эстонского народа, где, звеня кандалами, большевики пророчески указывали на близость возмездия. И вот час возмездия наступил!

Страх и паника охватили буржуазию. Одно лишь упоминание о Военно-революционном комитете приводило ее в трепет. П. И. Девишин вспоминает такой характерный эпизод:

«Местная буржуазия организовала гражданскую гвардию, набравшую преимущественно из зеленой молодежи, и вооружила ее винтовками. По ночам юнцы патрулировали улицы города, задерживая редких прохожих. Не раз, случалось, что мы с Рабчинским поздним вечером возвращались из Военно-революционного комитета. Обычно нас никто не останавливал на улицах, но не всегда так бывало.

Темная осенняя ночь. Огни погашены. На улицах пусто. Мы идем, вполголоса разговариваем. Внезапно перед нами встают силуэты трех вооруженных людей в штатских пальто: «Стой! Кто такие? Куда идете?» У Рабчинского воротник пальто поднят, шляпа надви-

В. Кингисепп.

нута на лоб, руки в карманах. Он в упор смотрит на пат-
рульного и говорит, скорее рычит, глухим, зловещим ба-
сом: «Я член Военно-революционного комитета!». Чер-
ные фигуры с винтовками без звука отскакивают и исче-
зают. Мы продолжаем путь, тихонько посмеиваясь...»⁷⁸.

Выдвинутый партией на ответственный пост револю-
ции, Рабчинский мобилизовал всю свою волю, все си-
лы, весь свой опыт. Следует помнить, что из четырех де-
сятком членов ревкома, избранных 22 октября, на пер-
вых парах включились в активную работу далеко не
все. Эсеры и меньшевики самоустраились от участия
в подготовке вооруженного восстания. Рабчинский ука-
зывал, что «меньшевиствующая часть Военно-революци-
онного комитета руководствовалась пословицей «моя
хата с краю», я ничего не знаю; впервые они (эсеры и
меньшевики. — Д. Р.) участвовали в заседании Военно-
революционного комитета 26 октября, когда полностью
выявилась победа пролетарской революции»⁷⁹.

Руководящим и активно действующим ядром ревкома
были большевики. «Наибольшим авторитетом в Военно-
революционном комитете, — пишет Рабчинский, — поль-

⁷⁸ П. Девишин, 1917 год в Таллине (рукопись).

⁷⁹ Воспоминания И. В. Рабчинского. Рукописный фонд Института
истории партии при ЦК КПЭ, т. 22, стр. 77—83.

зовались большевики, три четверти которых составляли эстонцы. В Военно-революционный комитет входили руководители эстонских трудящихся Я. Анвельт и В. Кингисепп»⁸⁰. Вместе с Рабчинским они образовывали руководящую головку ревкома. Между Анвельтом, Кингисеппом и Рабчинским было полное взаимопонимание, они всегда действовали с исключительным единодушием. Все важные вопросы решались ими сообща.

Рабчинский привлек к активной работе в Военно-революционном комитете весь цвет Таллинской организации РСДРП(б). Среди членов и комиссаров ревкома мы видим крупного партийного работника Йоханнеса Кясперта, старого большевика Александра Реймеца, вернувшегося после революции из сибирской ссылки, активных деятелей организации Яана Сихвера, Юхана Хейнтука, Виктора Краута, Михкеля Коольмейстера, Энгельберта Штрауха, Георгия Соммера, Освальда Пальги (сначала он работал в Нарве, а вскоре переехал в Таллин и выполнял ответственные задания ревкома Эстонии).

Комиссарами ревкома были видные эстонские большевики — Отто Рястас — член партии с 1912 года, Рудольф Вакман — член партии с 1912 года, молодой рабочий А. Милькооп, Артур Урб и другие. Рука об руку с ними работали в ревкоме русские большевики: Павел Девишин, Владимир Миланов, Александр Дорошенко, Илья Фрунтов (ранее был интернационалистом), Николаев, Уточкин, Яворский (сначала был интернационалистом) и другие.

Есть основание предполагать, что большевистская часть Военно-революционного комитета, полностью или нет, представляла собою одновременно Революционный комитет при Таллинском комитете РСДРП(б). Нам, к сожалению, мало известно об этом большевистском центре восстания. Был он создан, по-видимому, накануне выступления, находился в Доме рабочих в помещении Таллинского комитета партии большевиков. В дни восстания он работал круглые сутки, принимал сообщения, давал инструкции, входил с предложениями в Военно-революционный комитет и т. д.

⁸⁰ И. Рабчинский, «Октябрьские дни в Эстонии», указ. сб., стр. 420.

Каков был состав Революционного комитета при Таллинском комитете РСДРП, его взаимоотношения с Военно-революционным комитетом Эстонского края и роль в подготовке вооруженного восстания? Мы обратились к Д. М. Хазан с просьбой пролить свет на эти вопросы.

«Прошло много лет и мне сейчас трудно воскресить в памяти все обстоятельства, связанные с созданием и деятельностью большевистского центра восстания — Революционного комитета при РСДРП(б). Он мог быть создан для подготовки к захвату власти по партийной линии. Вполне возможно, что инициатива его создания принадлежала Ивану Васильевичу Рабчинскому, который стремился использовать все возможности для обеспечения большевистского влияния в Военно-революционном комитете. Мне представляется правильным предположение, что Революционный комитет при РСДРП(б) являлся большевистским ядром ВРК, созданного исполкомами Советов. Я полагаю, что в партийный ревком входили руководители Таллинского комитета партии: Анвельт, Кингисепп, Рабчинский, Кясперт, Рястас и другие. Будучи одновременно членами советского ревкома, они обеспечивали там проведение линии нашей партии»⁸¹.

К такому мнению склоняются и опрошенные нами старые коммунисты, участники Октябрьской революции в Таллине, Г. Соммер, П. Девишин, Д. Миланова и другие. Таким образом, можно с большой долей достоверности предположить, что Революционный комитет при РСДРП(б) играл внутри Военно-революционного комитета роль большевистского ядра, партийного центра. Рабчинский, несомненно, действовал в теснейшем контакте с этим центром. Он имел от партии директиву в случае необходимости действовать без согласования с эсеро-меньшевистской частью ВРК. Всю подготовку к восстанию вынесли на своих плечах большевики.

Как известно, советский центр восстания был создан 22 октября, а уже на следующий день восстание фактически началось. Мог ли ревком за одни сутки подготовить выступление? Конечно, нет. Естественно предположить, что до создания ВРК подготовкой восстания руководило партийное ядро, которое к моменту создания Военно-революционного комитета уже проделало льви-

⁸¹ Запись беседы автора с Д. М. Хазан от 25 мая 1959 г.

ную долю работы по мобилизации и расстановке сил восстания. Рабчинский прямо указывает на то, что подготовка к выступлению началась сразу же после окончания съезда Советов Северной области, что с середины октября велась «совершенно тайная работа по распределению заданий между воинскими частями и детальная разработка плана действий»⁸². Все нити держал в своих руках Таллинский комитет партии, его руководство. Фактически это и был Революционный комитет при РСДРП(б). Военно-революционный комитет Эстонского края завершил работу, которая уже много дней велась под руководством партийного ядра, партийного центра, в какой-то момент принявшего наименование «Революционный комитет при РСДРП(б)».

Нельзя пройти мимо и одного свидетельства Д. Э. Милановой. В своих неопубликованных воспоминаниях она указывает, что решение о создании Военно-революционного комитета было принято 17 октября 1917 года на совещании, происходившем в условиях большой секретности в помещении Таллинского Совета рабочих и воинских депутатов. В совещании приняло участие полтора десятка человек, в том числе муж Д. Э. Милановой — Владимир Миланов, большевик, член исполкома Таллинского Совета. От него Диза Эдуардовна узнала, что «сегодня создан Военно-революционный комитет Таллинского укрепленного района, председатель — Рабчинский, секретарь — Миланов»⁸³.

В беседе с автором брошюры Д. Э. Миланова подтвердила, что это происходило именно 17 октября, ей хорошо запомнилась эта дата. Через несколько дней она уже работала в ревкоме, в секретариате. Если вспомнить, что Военно-революционный комитет был сформирован 22 октября, а первое заседание провел 23 октября, то из сообщения Д. Э. Милановой можно вывести предположение, что ревком секретно существовал ранее, а именно с 17 октября, а был открыто оформлен пять дней спустя.

Нам это предположение кажется заслуживающим внимания по следующим соображениям. Со съезда Советов Северной области Рабчинский вернулся в Таллин не ра-

⁸² И. Рабчинский, «Октябрьские дни в Эстонии», указ. сб., стр. 415.

⁸³ Воспоминания Д. Э. Милановой. Фонд Института истории партии при ЦК КПЭ.

И. В. Рабчинский
в 1917—1918 годах.

нее 14—15 октября, а возможно и 17 октября. Сразу же по приезде он представляет в Таллинский комитет РСДРП(б) план действий, принятый на съезде. Комитет план принимает. Естественно предположить, что сразу же создается орган для руководства подготовкой к восстанию. До тех пор, пока он не оформлен в советском порядке и о нем не сообщено в печати, ревком действует секретно, не раскрывая себя.

Дата 17 октября заслуживает внимания и еще по одной причине. В этот день Таллинский Совет рабочих и воинских депутатов избрал новый состав исполнительного комитета, в него вошли Иван Рабчинский, Владимир Миланов, Яан Анвельт и другие (от большевиков), Яворский (от интернационалистов). Не было ли собрание, о котором пишет Д. Э. Миланова, первым заседанием нового исполкома? И не решался ли на нем вопрос о создании Военно-революционного комитета? За это предположение говорит тот факт, что все вышеперечисленные лица известны как члены Военно-революционного комитета.

Если принять ту версию, что ревком (или его ядро) был создан сразу же после съезда Советов Северной области и первое время не раскрывал себя, а действовал секретно, то станет более ясным, каким образом он ус-

пел осуществить подготовку к восстанию — у него на это была почти неделя, а не одни сутки.

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении материалы дают основание утверждать, что в Таллине до 22 октября уже был центр, руководивший подготовкой к восстанию, но мы не располагаем данными для заключения — был ли это партийный ревком или уже Военно-революционный комитет, или ядро этого комитета. Будем надеяться, что дальнейшие исследования прольют на этот факт больше света и он станет окончательно ясным.

23 октября 1917 года состоялось первое заседание Военно-революционного комитета. Председательствует Рабчинский. В лаконичных строках протокола явственно ощущается приближение революционной грозы: «утвердить инструкции комиссарам на железной дороге, почте и телеграфе. . . поставить комиссаров на железнодорожной станции Ревель-главная. . . отпечатать инструкции и разослать их по всем Советам края. . .»⁸⁴.

Но протокол не отражает и малой доли мер, осуществленных ревкомом для захвата власти. Штаб восстания опирался на революционный подъем трудящихся масс. С ревкомом непрерывную связь держали все крупные заводы Таллина, все революционно настроенные полки и флотские экипажи. С ревкомом все время был в контакте штаб Таллинской Красной гвардии, целиком состоявшей из большевиков. Рабчинский перечисляет некоторые важные меры, предпринятые ревкомом накануне выступления и обеспечившие его быстрый успех:

На казармы казачьих полков были наведены тяжелые орудия 4-го артиллерийского полка; Усть-Двинскому полку поручено нести патрульную службу; 175-й полк определен в резерв; приведены в боевую готовность корабли, два из них ежедневно несли сторожевую службу; рабочим-судоремонтникам поручено вывести из строя броневики, поскольку их экипажи не внушали ревкому доверия; между революционными полками распределено дежурство; обеспечен захват узловых пунктов⁸⁵.

В боевую готовность была приведена Красная гвардия, самая надежная сила пролетарской революции в

⁸⁴ ЦГАОР ЭССР, ф. Р-1217, оп. 1, ед. хр. 1, л. 1.

⁸⁵ См. И. Рабчинский, «Октябрьские дни в Эстонии», указ. сб., стр. 415.

Эстонии. К моменту восстания она насчитывала около двух тысяч бойцов — всё рабочие таллинских фабрик и заводов. Структура Красной гвардии позволяла быстро поднять ее на ноги и ввести в дело. Красногвардейцы одного крупного завода составляли одну группу. Были группы из рабочих нескольких мелких предприятий. Все группы одного района объединялись в районный отряд Красной гвардии, а районные отряды в Таллинскую Красную гвардию. Во главе ее стоял Центральный Комитет организаций Красной гвардии, его штаб находился в Доме рабочих, в двух-трех минутах ходьбы от здания, где помещался Военно-революционный комитет. Начальник штаба Красной гвардии Г. А. Соммер, член партии с 1913 года, рассказывает:

«Как только был созван ревком, я был вызван туда. Кингисепп и Рабчинский потребовали от меня подробного доклада о состоянии Таллинской Красной гвардии, о ее численности, боеспособности, вооружении. Мне было предложено установить в штабе круглосуточное дежурство, постоянно иметь в штабе группу красногвардейцев, готовую по приказу ревкома выступить на выполнение задания. Штаб держал связь с районными отрядами Красной гвардии, которые тоже знали, что им делать. Все красногвардейцы были готовы к выступлению и ждали сигнала ревкома»⁸⁶.

Рабчинский уделял исключительное внимание военной стороне дела по той причине, что силам революции в Эстонии противостояли значительные силы контрреволюции. В Таллине были расквартированы 13-й и 15-й Донские казачьи полки. От Тапа до Раквере растянулись эшелоны с частями 49-го корпуса, находившимися под влиянием офицеров-корниловцев. Надо было считаться с возможностью яростного сопротивления со стороны казаков, а также эстонской буржуазии, эсеров и меньшевиков. Это побудило Рабчинского создать запасной центр восстания. П. Девишин, руководитель армейского клуба, комиссар ревкома, рассказывает, что его вызвал Рабчинский и сказал:

— Приближается день восстания... Когда мы объявим переход власти в руки Военно-революционного комитета, может случиться, что нас арестуют. В этом слу-

⁸⁶ Запись беседы автора с Г. А. Соммером.

чае вы должны выступить с вооруженной силой, освободить нас и подавить контрреволюцию. Установите связи со всеми воинскими частями и будьте наготове...

Девишин получил от Военно-революционного комитета соответствующий мандат и приступил к выполнению задания:

«Каждое утро, — рассказывает далее тов. Девишин, — в клубе стали собираться представители партийных организаций сухопутных и флотских частей гарнизона. Они информировали меня о настроениях солдат и матросов, о готовности к выступлению. Я в свою очередь знакомил их с ходом революционных событий, сведения о которых получал от Рабчинского. Мы разрабатывали план оповещения о тревоге, захвата оружейных складов и важнейших пунктов города; в каждой части были взяты на учет наиболее преданные и надежные люди и подготовлены крепкие революционные подразделения, которые могли понадобиться для выполнения ответственных заданий»⁸⁷.

Вооруженное восстание в Таллине началось, по сути дела, 23 октября 1917 года. Группы красногвардейцев, матросов и солдат во главе с комиссарами Военно-революционного комитета в семь часов вечера заняли все стратегически важные пункты в городе и в районе крепости: телеграф, почту, телефонную станцию, железнодорожную станцию, ряд государственных учреждений. Во все воинские части были направлены комиссары ревкома.

На следующий день события приняли еще больший размах. Во все воинские штабы были назначены комиссары Военно-революционного комитета. Они взяли под свой контроль всю деятельность штабов. Группы рабочих, солдат и матросов продолжали занимать государственные учреждения и другие важные объекты. Под контроль были взяты морской порт, междугородняя телефонная станция, товарная железнодорожная станция. С каждым часом Военно-революционный комитет расширял свою власть в городе.

Чтобы парализовать высшее командование крепости, ревком предпринимает смелый шаг: «В семь часов вечера 25 октября 1917 года, — рассказывает Рабчин-

⁸⁷ П. Девишин, 1917 год в Таллине (рукопись).

ский, — весь главный состав крепости был арестован у себя дома, к каждому приставлен комиссар. Эта внезапность и одновременность имела прекрасное, как потом выяснилось, психологическое значение. Звоня друг другу, они убедились, что все находятся в одинаковом положении, и примирились»⁸⁸.

Военно-революционный комитет Эстонского края в эти полные напряжения и опасностей дни держал постоянную связь с Центральным Комитетом партии. В распоряжении Рабчинского был прямой телефон, по которому он поддерживал связь непосредственно с Я. М. Свердловым. «Таким образом, — пишет Рабчинский, — я имел возможность передать ему необходимые сведения о положении в Таллине. До этого я посылал ему сообщения с миноносцами, которые поддерживали повседневную связь между Таллином и Петроградом. Я сообщал Якову Михайловичу Свердлову обо всем, и он был в курсе всех событий»⁸⁹. В свою очередь, эстонские большевики были в курсе развертывания пролетарской революции в Петрограде. Весть о ее победе была восторженно встречена эстонским пролетариатом.

Военно-революционный комитет Эстонского края функционировал круглые сутки. В кабинет Рабчинского беспрерывно заходили красногвардейцы — на них штатское пальто, перепоясанное ремнем с подсумком, за плечом винтовка без штыка, заходили солдаты, бородатые и молодые, в видавших виды шинелях со следами окопной грязи и походных костров, врывались шумные, искрящиеся веселой энергией, матросы в бушлатах, в лихо сдвинутых на затылок бескозырках. Коротко докладывали о выполнении приказов. Революция уже крепко держала в своих мозолистых руках город и крепость Петра Великого.

Рабчинский, слушая доклады, одновременно подписывал мандаты, отдавал распоряжения: все новые и новые комиссары ревкома направлялись в разные концы города. Революция быстро закреплялась на завоеванных позициях.

Поздно ночью с 25 на 26 октября 1917 года Рабчинский вышел из кабинета в смежную комнату, где поме-

⁸⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 1583, л. 14 (об.).

⁸⁹ Фонд Института истории партии при ЦК КПЭ, т. 22, стр. 77—83.

шался секретариат Военно-революционного комитета и где сейчас толпились красногвардейцы, матросы, солдаты, которые, перебивая друг друга, оживленно обменивались свежими новостями, курили, громыхали оружием, надрывно кашляли — погода стояла дождливая, пасмурная. Рабчинский привычным жестом, спокойным и добродушным, попросил, чтобы не шумели, и обратился к секретарю:

— Вложите лист чистой бумаги, буду диктовать...

Миланова с готовностью села за громоздкий «Ремингтон» и вопросительно взглянула на Рабчинского — неужели еще один мандат, сколько она отстучала их за эти три напряженных, слившихся в одну огненную линию дня! Рабчинский помедлил немного и размеренно, взвешивая каждое слово, стал диктовать своим глуховатым баском:

— Через Кронштадт в Петроград, Ленину...

В комнате сразу стало тихо. Чуть торжественно, с трудом сдерживая охватившее его волнение, Рабчинский продолжал диктовать:

— В Таллине и крепости власть перешла в руки восставших рабочих, матросов и солдат. Социалистическая революция совершилась!

Сияющими глазами Рабчинский оглядел притихших, тоже взволнованных величием этой долгожданной минуты людей, и проникновенно, с огромной убежденностью сказал:

— Парижская Коммуна просуществовала три месяца. Нам в России достаточно продержаться три недели, чтобы перевернуть весь мир!⁹⁰.

В десять часов утра 26 октября к угловому подъезду дома бывшего Окружного суда, в котором теперь помещался ревком, подкатили блестящие черным лаком новенькие экипажи и огромные автомобили. Из них вышли адмиралы, генералы, полковники, капитаны первого ранга. Мимо красногвардейцев и матросов, стоявших у входа в самых непринужденных позах, высшие офицеры проследовали в темноватый вестибюль, где в грозном молчании их снова встретили красногвардейцы и матросы. Гуськом, щепетильно соблюдая старшинство по

⁹⁰ По воспоминаниям и рассказу Д. Э. Милановой, записанному автором.

Здание Верховного суда ЭССР на Пярну маантеэ в Таллине.
Здесь помещался в октябрьские дни 1917 года Военно-революционный комитет Эстонского края.

званию и должности, высшие офицеры начали подниматься по лестнице, на третий этаж, и на всем их пути вдоль перил тянулась живая, враждебная стена вооруженных людей.

Поднимался, пыхтя и отдуваясь, начальник сухопутных войск Прибалтики Гендриксон, отставая от него на одну ступеньку, легко шел комендант крепости Измесь-

ев, за ним, медленно и тяжело, следовал начальник об-
роны Приморского фронта Жерве, потом командир пор-
та, инспектор артиллерии, крепостной интендант, всего
восемнадцать высших офицеров Таллинского укреплен-
ного района. Поднявшись на третий этаж, они вошли в
зал заседаний, в центре которого стоял длинный стол,
покрытый зеленой скатертью.

Во главе стола сидел одетый в свой обычный поно-
шенный пиджак Рабчинский. Третьи сутки он не смыкал
глаз и лицо его осунулось от смертельной усталости.
Слипшиеся пряди волос падали на крутой, широкий лоб,
влажный от пота. Под густыми пучками иссиня-черных,
лохматых бровей горели как раскаленные угли ярко-
карие с золотинкой глаза. Щеки впали и поросли ры-
жеватой щетинкой. Кончики длинных усов, их давно не
подстригали, завивались в уголках сурового, волевого
рта. Крупный, выдающийся вперед подбородок еще рез-
че подчеркивал большую внутреннюю силу этого страш-
но усталого человека с лицом и фигурой простого рабо-
чего.

Вблизи Рабчинского сидели остальные члены Военно-
революционного комитета Эстонского края: Анвельт,
Кингисепп, Кясперт, матрос Фрунтов, комиссары Деви-
шин и Рястас, Коольмейстер, Реймец... Рабчинский
пригласил высших офицеров сесть. Военные усажива-
лись за столом, тщательно следя за тем, чтобы
не сесть раньше и «выше» более старшего по званию
и должности, — по лицу Рабчинского пробежала ирони-
ческая улыбка: «сядутся как в боярской думе, по родо-
витости».

Председатель ревкома сообщил высшим офицерам,
что они приглашены в комитет для того, чтобы заявить
о своем отношении к новой власти, установленной в го-
сударстве волей II Всероссийского съезда Советов ра-
бочих, солдатских и крестьянских депутатов; согласны
ли они служить ей, выполнять все ее приказы. Все выс-
шие офицеры крепости заявили, что признают новую
власть и готовы ей служить (как показало будущее, мно-
гие из них, заявляя это, нагло лгали).

Затем Рабчинский поставил в известность высших офи-
церов, что все военначальники, обладавшие правами
перемещения воинских частей, лишаются этих прав.
Если возникнет к тому военная необходимость, переме-

щение может состояться только с санкции комиссара ревкома. Без подписи комиссара ни один приказ, ни одно распоряжение начальствующего лица не действительны. Комиссарам самим предоставляется право определить, какие приказы и распоряжения могут быть даваемы без их санкции.

Сохраняя старшинство по званию и должности, высшие офицеры один за другим покинули зал⁹¹. Военно-революционный комитет продолжал свое заседание. Были вынесены постановления об упразднении губернских и уездных комиссаров Временного правительства и о переходе их управлений к исполнительным комитетам Советов. Был запрещен вывоз за пределы Эстонии продуктов. Анвельту и Кингисеппу было поручено подготовить доклад о закрытии буржуазных газет⁹². Затем Военно-революционный комитет принял воззвание, в котором извещал солдат, матросов и рабочих, все население Таллина и края о победе вооруженного восстания в Петрограде и о переходе власти в руки Советов. Вся полнота власти в Эстонии находится в руках Военно-революционного комитета. Далее сообщалось, что высший командный состав крепости изъявил готовность служить новой революционной власти и остается на своих постах. В заключение население призывалось к беспрекословному подчинению Военно-революционному комитету⁹³.

Было два часа дня. А в два часа тридцать минут на внеочередное заседание собрался Таллинский Совет рабочих и воинских депутатов. Он заслушал доклад о деятельности ревкома в дни вооруженного восстания. С докладом выступил заместитель председателя ревкома В. Кингисепп. Затем был избран новый состав исполнительного комитета Совета. От фракции большевиков в исполком вошли Рабчинский, Анвельт, Миланов, Краут, Лучин и Кузьмин⁹⁴. На следующем заседании Таллинского Совета кандидатами к ним были избраны от большевиков: военный моряк-эстонец Круштейн, Пасюта и другие.

⁹¹ По воспоминаниям И. Рабчинского, Д. Милановой, П. Девяшина.

⁹² ЦГАОР ЭССР, ф. Р-1217, оп. 1, ед. хр. 1, л. 3.

⁹³ «Известия Ревельского Совета Р. и В. Д.» от 28 октября 1917 г.

⁹⁴ ЦГАОР ЭССР, ф. Р-1216, оп. 1, ед. хр. 4, л. 168.

В Военно-революционный комитет потекли с фабрик и заводов, волостей и поселков резолюции с горячими приветствиями и заявлениями о полной поддержке всех действий ревкома. Так собрание рабочих фабрики Лютера 26 октября писало в своей резолюции: «Мы приветствуем Военно-революционный комитет и все революционные органы, которые стоят на страже интересов пролетариата, и выражаем им полное доверие»⁹⁵. Общее собрание рабочих и солдат Русско-Балтийского судостроительного завода обратилось к Военно-революционному комитету с призывом принять меры против врагов революции⁹⁶. «В настоящий момент власть в Таллине находится в руках Военно-революционного комитета, — писали в своей резолюции рабочие и служащие 9-го отделения Северо-Западной железной дороги. — Мы, таллинские железнодорожники, будем выполнять все приказы Военно-революционного комитета»⁹⁷.

Керенский, бежавший из охваченного революцией Петрограда, лихорадочно собирал военные силы для похода на столицу. Он возлагал большие надежды на войска, находившиеся в этот момент в Эстонии. Настал час выполнить клятву, которую дал Рабчинский Центральному Комитету партии от имени эстонских большевиков.

В ревком поступали донесения, что в казармах 13-го и 15-го Донских полков царит подозрительное оживление. Казаки чистят коней и оружие, складывают амуницию, по всему видно, собираются в путь. Затем стало известно, что командование полков потребовало предоставить подвижной состав для отправки казаков под Петроград. Железная дорога, сославшись на запрещение ревкома, отказала в вагонах и паровозах.

В один из последних дней октября в Военно-революционный комитет явилась делегация донских полков. Густые, лопатой бороды закрывали стоячие воротники мундиров. Грудь в медалях и георгиевских крестах. Казаков провели в зал заседания ревкома. Переговоры вел Рабчинский. Когда казаки предъявили требование — не чинить им препятствий для отправки под Петроград, Рабчинский твердо и решительно заявил им, что Воен-

⁹⁵ Партархив КПЭ, ф. 6364, оп. 1, ед. хр. 81, л. 52.

⁹⁶ Там же, ед. хр. 97, л. 6.

⁹⁷ Там же, ед. хр. 69, л. 13.

но-революционный комитет запрещает полкам покидать Таллин.

Казаки ушли. Часа через два по улицам Таллина медленно продефелировали в строю казачьи сотни. В небо грозно глядели остроконечные пики. Казаки ехали без песен и шуток. Сотни вернулись в казармы и вскоре в ревкоме снова появилась делегация казаков. Полагая, что после их военной демонстрации ревком станет уступчивее, они возобновили разговор о подвижном составе. Рабчинский так же твердо повторил им, что ревком из города казаков не выпустит. Казаки стали угрожать, мол, самовольно погрузимся. Рабчинский спокойно ответил им на это:

— Дальше первой станции все равно не уйдете, взорвем!

Казаки притихли. В Петроград в Смольный полетела из ВРК телеграмма: «Таллинский Военно-революционный комитет запретил отправку войск в Петроград из Ревеля. Если требуется, будет прекращен проезд в Петроград войск из всех пунктов района. Ждем распоряжений»⁹⁸.

Значительно труднее было задержать в Эстонии части 49-го корпуса, расположившегося в окрестностях Раквере. Контрреволюционное командование корпуса было готово пробиться на Петроград даже силой оружия. Когда революционные солдаты и красногвардейцы, выполняя приказ Военно-революционного комитета, начали операцию по захвату Раквереского железнодорожного узла, они натолкнулись на вооруженное сопротивление.

«Железнодорожный узел сразу захватить не удалось, — пишет Рабчинский. — Было решено укрепить силы на станциях Тапа и Нарва, обезопасить корпус и установить надзор за его командованием. В район корпуса были направлены отряды агитаторов из солдат и матросов. В результате двух-трехдневной разъяснительной работы корпус был «обезврежен». С некоторыми, особенно техническими, частями удалось установить связи, после чего железнодорожная станция перешла в

⁹⁸ ЦГАВМФ СССР, ф. Р-661, оп. 1, ед. хр. 80, л. 22.

наши руки... Корпусу был отдан приказ не двигаться с места»⁹⁹.

А между тем в Таллин продолжали поступать телеграммы от Керенского, Краснова, командующего Северным фронтом Черемисова, содержащие приказы войскам двигаться под Петроград. Телеграммы не доходили до адресатов, их перехватывали комиссары ревкома. Не получая подкреплений, Керенский и Краснов направили в Таллин специальный поезд с казачьими офицерами, которые должны были доставить казакам приказ и обеспечить их отправку в Гатчину.

...Поздно вечером в зал, где шло очередное заседание Военно-революционного комитета, вбежал комиссар на железнодорожном телеграфе. Он был очень взволнован — в адрес командира одного из казачьих полков поступила шифрованная телеграмма. Комиссар перехватил ее — вот она! Рабчинский взглянул на телеграмму и, пожав плечами, протянул ее Кингисеппу. Затем телеграмма пошла по рукам. Никто не мог разгадать ее смысла. Одно было ясно: речь идет о каком-то поезде, номер его не был зашифрован.

Решение у Рабчинского созрело немедленно: поезд задержать, всех, кто в нем окажется, арестовать и препроводить в ревком.

— Кто возьмет на себя эту задачу? — спросил Рабчинский и обвел глазами членов и комиссаров ревкома. Встал сухощавый юноша, подтянутый, стройный, сказал:

— Я!

Рабчинский чуть заметно улыбнулся, он и не сомневался, что опасное задание возьмет на себя Павел Девишин, молодой большевик из офицеров. Рабчинский подошел к Девишину:

— Ну, хорошо, отправляйтесь сейчас-же! Поезд задержите на станции «Двигатель». Держите со мной связь по телефону!

Вскоре Девишин во главе роты Усть-Двинского полка шагал в непроглядной тьме к станции. Через 40—50 минут рота была уже там. Начальник станции взят под стражу. Из его кабинета Девишин позвонил Рабчин-

⁹⁹ И. Рабчинский, «Октябрьские дни в Эстонии», указ. сб., стр. 418—419.

П. И. Девишин, комиссар
Военно-революционного комитета
Эстонского края.

скому и доложил, что операция началась. Почти всю роту Девишин расположил по обе стороны железнодорожного полотна, а сам с группой солдат и пулеметами залег прямо на путях, чтобы встретить паровоз, что называется, в лоб. Наконец, загудели рельсы и в темноте замелькали огни паровоза. Они все ближе и ближе. Девишин вскакивает, машет фонарем, а паровоз надвигается на него, огромный, дышащий огнем. Сейчас он сомнет, перережет юношу. И вдруг стал.

Поезд состоял всего лишь из двух вагонов. Комиссар приказал окружить состав, а сам ворвался в первый вагон. На полках спящие казачьи офицеры. Их будит короткий приказ: «Сдать оружие!» Арестованные казачьи офицеры были отведены в ревком. «При обыске последних, — рассказывает Рабчинский, — были найдены важные документы, в том числе отпечатанные боевые приказы казачьим полкам, в которых этим полкам предписывалось поспешить на помощь своему атаману (этих приказов было изъято около 1000 экземпляров). Были и рукописные приказы. Среди последних наибольший интерес представлял приказ, написанный карандашом на листке блокнота доверенного казачьего офицера и подписанный самим Керенским. Этот приказ был напи-

сан в страшной спешке, в последнюю минуту перед отправкой поезда, и на него Керенский возлагал свои последние надежды»¹⁰⁰.

Возмущенный тем, что его приказы не доходят до полков, главнокомандующий Северным фронтом генерал Черемисов связывается с Рабчинским по прямому проводу. Сохранилась телеграфная лента этого разговора:

ЧЕРЕМИСОВ: Из Ревеля до сих пор не отправлены на присоединение к своей дивизии 13-й и 15-й Донские полки. Ввиду категорического требования Ставки об отправлении этих полков, приказание должно быть выполнено.

РАБЧИНСКИЙ: Весь революционный Ревель будет до конца поддерживать волю большинства съезда Советов и будет бороться с Керенским, который в течение почти 8 месяцев привел страну к полному краху и катастрофе... Мы твердо заявляем и предупреждаем, что это, то-есть отправка казачьих войск на подмогу [Керенскому], создает ту анархию между солдатами и офицерами, которую мы, очень возможно, не в состоянии будем предохранить. Итак, 13 и 15 Донские полки не могут быть вывезены из Ревеля... Совет вошел с ними в сношение и от них было получено заявление о поддержке Советов и о нежелании ехать на выручку Керенскому. Мнение их командира для нас не может иметь значение при данных условиях...»¹⁰¹.

Черемисов немедленно донес в Ставку генералу Духонину о невозможности отправки войск из Таллина. Духонин в свою очередь отправил телеграмму «главковерху» Керенскому: «... 13 и 15 Донские полки не могли быть отправлены к Петрограду, так как большевики угрозой воспретили подачу подвижного состава. Полки же эти по неизвестным мне причинам не проявили решимости добиться выхода, хотя бы до ближайшей станции для погрузки вне района Ревеля...»¹⁰².

Так благодаря решительным действиям большевиков Эстонии, руководимого ими Военно-революционного комитета, полностью была сорвана попытка Керенского использовать против революционного Петрограда воин-

¹⁰⁰ И. Рабчинский, «Октябрьские дни в Эстонии», указ. сб., стр. 419.

¹⁰¹ «Красный архив», т. 23, 1927 г., стр. 182—186.

¹⁰² «Красный архив», т. 24, 1927 г., стр. 83—84.

ские части, расположенные в Эстонии. Клятва, данная эстонскими большевиками Центральному Комитету партии, была сдержана — ни один солдат не был пропущен со стороны Эстонии против петроградских рабочих.

Советы быстро распространяли свою власть по всей Эстонии. В ряде мест ее триумфальному шествию пытались помешать контрреволюционные элементы. Военно-революционный комитет подавлял их решительно и твердо. Его крепкая, организующая и карающая, рука чувствовалась и в Вильянди, и в Хаапсалу, и в Тарту.

Представитель Вильяндиского Совета прибыл в ревком с тревожными вестями: местная буржуазия чинит препятствия новой власти, а исполком Советов не обладает военной силой, чтобы обуздать контрреволюционеров. Ревком направил в помощь трудящимся Вильянди батальон войск. В тот же день Рабчинский доложил на заседании ревкома, что им получена телеграмма из Раквере: Совет просит прислать вооруженный отряд для ареста комиссара Временного правительства. Ревком направил в Раквере отряд матросов и двух своих членов.

Из Хаапсалу в адрес ревкома пришла радиограмма: антисоветски настроенные офицеры 1-го Эстонского полка арестовали комиссара Перно, прибывшего в город с поручением ВРК создать революционный комитет. В Хаапсалу был немедленно командирован член Военно-революционного комитета Эстонского края. Полковник Тыниссон отдавший приказ об аресте Перно, был взят под стражу. В ревком поступило заявление от сельскохозяйственных рабочих волости Рапла: местная власть ведет себя вероломно по отношению к Советской власти, призывает крестьян не подчиняться Советскому правительству и исполкому Советов Эстонского края. Ревком отстранил саботажников от власти и предал их революционному суду¹⁰³.

Получив известие об антисоветском мятеже в Тарту, Военно-революционный комитет немедленно направил туда эшелоны с красногвардейцами. В качестве уполномоченного ВРК в Тарту выехал В. Кингисепп. Порядок

¹⁰³ ЦГАОР ЭССР, ф. Р-1217, оп. 1, ед. хр. 1, лл. 10, 11, 21 и ф. 1659, оп. 1, ед. хр. 17, л. 112.

в городе был быстро восстановлен, а организаторы антисоветской вылазки арестованы¹⁰⁴. В самом Таллине некоторое время после революции продолжало существовать такое ядовитое контрреволюционное гнездо, как Губернский земский совет. По единодушному требованию трудящихся исполком Советов Эстонского края решил разогнать его. Волю народа выполнил Военно-революционный комитет; под руководством его комиссаров таллинские рабочие разогнали земский совет.

Громя контрреволюционные гнезда, ревком одновременно принимал энергичные меры к вооружению пролетариата Эстонии. Ревком выдал винтовки рабочему отряду завода Порт-Кунда, рабочей милиции завода «Вольта». Центральному Комитету Таллинской Красной Гвардии было передано 1000 винтовок. По докладу В. Кингисеппа ревком принял решение о создании рабочей милиции.

Ревком повел решительную борьбу против саботажников, спекулянтов. Буржуазия за короткий период своей власти полностью расстроила продовольственное дело. Ревком прилагает большие усилия к тому, чтобы накормить трудовое население Таллина. Комиссары ревкома производят реквизиции продуктов в порту, на складах, у богачей. При ВРК создается реквизиционно-продовольственный отдел и при нем реквизиционный суд. Они действовали под непосредственным руководством В. Кингисеппа. Ревком обратился к населению со страстным призывом помочь ему в борьбе против спекулянтов, мошенников и мародеров, объявив их врагами народа.

Обладая огромным авторитетом и реальной силой, ревком вторгается как революционная власть во все сферы жизни. По его распоряжению в Таллине вновь был пущен трамвай, профсоюзам переданы дома под рабочие клубы. Обеспокоенный судьбой безработных, он отменил на фабриках и заводах Таллина сверхурочные часы. Ревком разбирал жалобы рабочих на предпринимателей и эвакуационные комиссии и принимал энергичные меры к удовлетворению требований трудящихся.

В ревком шли со своими мыслями, нуждами и надеждами рабочие, крестьяне, батраки. Д. Э. Милановой запомнился такой факт: В ревком пришел пожилой кре-

¹⁰⁴ «Звезда» от 23 ноября 1917 г.

стьянин-эстонец. «В ожидании конца одного из заседаний он изливал свое горе мне. В имении, где он батрачил, свирепствовал немецкий барон. Каких только мук не выносили от него крестьяне и батраки. Молодых матерей он заставлял выкармливать грудью барских щенят, а ребятишки гибли. Неужели новая власть не положит этому конец?»¹⁰⁵.

Гражданин, возмущенный тем, что судебный следователь отказался принять от него заявление на эстонском языке, пожаловался в ревком и тот в самой категорической форме предложил судебному следователю принимать **все** заявления. В Кейла солдаты намеревались устроить в молитвенном доме евангелистов-христиан театральное представление. Ревком, узнав об этом, запретил это делать, объяснив солдатам, что «нельзя насилловать религиозные чувства»¹⁰⁶.

О том, как многогранна была деятельность ревкома Эстонского края, можно судить и по заметке, напечатанной в те дни в «Правде»: «Ревельский Революционный комитет перевел декрет о мире на немецкий язык, который распространяется в громадном количестве экземпляров на германском фронте»¹⁰⁷. В бумагах исполкома Таллинского Совета сохранилась записка И. Рабчинского: «Прошу выдать 150 рублей; означенная сумма выдается под отчет гг. Бусуеву, Стрижену и Коверчаковскому, командируемым Военно-революционным комитетом в Двинск для распространения в Двинском районе среди неприятеля прокламаций о мире»¹⁰⁸.

Военно-революционный комитет Эстонского края действовал в постоянном контакте с Петроградским ВРК, систематически информировал его о событиях в Таллине, запрашивал указания, вносил на его рассмотрение свои предложения. Так, узнав из «Правды», что старшие чиновники Министерства финансов и Государственного банка саботируют, отказываются выполнять распоряжения Советского правительства, Военно-революционный комитет за подписью И. Рабчинского направил в Петроградский ВРК предложение о мерах в отношении са-

¹⁰⁵ Воспоминания Д. Э. Милановой. Фонд Института истории партии при ЦК КПЭ.

¹⁰⁷ «Правда», от 21 ноября 1917 г.

¹⁰⁶ ЦГАОР ЭССР, ф. Р-1217, оп. 1, ед. хр. 1, л. 41.

ботажников: «1) Выяснить во всех частях наличие лиц, которые прежде работали на соответствующих поприщах и заменить ими саботажников; 2) всех служащих, которые отказываются выполнять свои обязанности, направить в Ревель, Кронштадт, Свеаборг и другие крепости на крепостные работы; Ревель может вместить для этой цели 40 тысяч человек»¹⁰⁹.

В Петроград по заданию Эстонского ревкома ездили его члены и комиссары. Так в первой половине ноября 1917 года в столицу был командирован комиссар при крепостном интенданте большевик Николаев, о своей поездке он отчитывался на заседании ревкома. В Петроград была направлена группа руководителей Таллинской Красной гвардии; Г. А. Соммер рассказывает об этой поездке:

«Вскоре после победы Октябрьской революции товарищ Рабчинский послал меня, Отто Рястаса и еще одного товарища в Петроград. Перед отъездом у нас было несколько бесед с тов. Рабчинским о целях командировки. Иван Васильевич рекомендовал нам ознакомиться в Петрограде с деятельностью и структурой Красной гвардии. Помню, он сказал нам: « — Первым делом обратитесь в Смольный!». Мы побывали в Петрограде, ознакомились с постановкой дела в тамошней Красной гвардии, а по возвращении в Таллин доложили тов. Рабчинскому о результатах поездки»¹¹⁰.

В Таллин наезжали петроградские товарищи. Так 3 ноября 1917 года Агитационная комиссия при исполкоме Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов командировала в Таллин Ивана Яковлевича Башилова «для разъяснения гражданскому населению и военному взглядов Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов на текущие события»¹¹¹.

Несколько раньше в Таллин приезжал представитель Петроградского Военно-революционного комитета (фамилия нам не известна). Он выступил на заседании Таллинского Совета 31 октября 1917 года с подробным рассказом об октябрьском вооруженном восстании в

¹⁰⁹ «Тёэлине», от 25 ноября 1917 г.

¹¹⁰ Запись беседы автора с Г. А. Соммером.

¹¹¹ Большевицские Военно-революционные комитеты, М. 1958, стр. 101.

Петрограде¹¹². 13 ноября на заседании Таллинского Совета вновь выступил представитель Петроградского Военно-революционного комитета: «он просит, — читаем мы запись в протоколе, — о распространении в частях войск привезенных им из (Петроградского) Военно-революционного комитета радиотелеграммы разговора Совета Народных Комиссаров со Ставкой»¹¹³.

О постоянных связях между Петроградским и Эстонским ревкомом свидетельствуют и телеграммы Антонова-Овсеенко, Бонч-Бруевича и других работников центральных учреждений из Петрограда, обсуждавшиеся на заседаниях Военно-революционного комитета Эстонского края.

*

Внутри Военно-революционного комитета Эстонского края не было и не могло быть единства, так как партийный состав его не был однородным. В ревком входили представители всех партий, участвовавших в работе Совета: большевики, эсеры, меньшевики-интернационалисты. Большевики в ревкоме преобладали, они возглавляли его, определяли его линию, выполняли в нем самую ответственную работу, чем и объясняется исключительная стойкость ревкома в дни восстания и после победы пролетарской революции. Военно-революционный комитет Эстонского края действовал в строго большевистском духе. В этом огромная заслуга его руководителей Рабчинского, Анвельта и Кингисеппа.

Состав ревкома, поскольку список его членов не сохранился, можно более или менее точно установить по протоколам заседаний Военно-революционного комитета. Присутствующие на заседании члены ревкома впервые перечислены в протоколе от 1 ноября 1917 года. В заседании участвовало пятнадцать человек, из них девять большевиков: Анвельт, Кингисепп, Рабчинский, Реймец, Миланов, Лучин, Краут, Кузьмин и другие; пять эсеров и один интернационалист¹¹⁴.

Примерно такую же картину дает нам и состав уча-

¹¹² ЦГАОР ЭССР, ф. Р-1216, оп. 1, ед. хр. 4, л. 170 (об.).

¹¹³ Там же, л. 179 (об.). Речь идет о разговоре правительства со Ставкой по прямому проводу 9 (22) ноября 1917 г. См. В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 276—278.

¹¹⁴ ЦГАОР ЭССР, ф. Р-1217, оп. 1, ед. хр. 1, л. 7.

стников заседания ревкома 6 ноября 1917 года. Из двадцати одного члена и комиссара ревкома (считая представителя Нарвского ВРК) большевиков было четырнадцать: Кингисепп, Рабчинский, Реймец, Штраух, Миланов, Коольмейстер, Пальги, Николаев, Пасюта, Фрунгов, Девишин, Дорошенко и другие; эсеров пять, интернационалистов два¹¹⁵.

О партийном составе ревкома можно судить и по президиуму ВРК Эстонского края, избранному на пропорциональной основе 1 ноября 1917 года. В нем было 3 большевика и 2 эсера: председатель Рабчинский (большевик), товарищи председателя Кингисепп (большевик) и Мейстер (эсер), секретарь Миланов (большевик) и товарищ секретаря Саммель (эсер)¹¹⁶.

Эсеры старались укрепить свои позиции в ревкоме, однако большевики энергично противодействовали этому. Характерный эпизод имел место 31 октября 1917 года на заседании Таллинского Совета рабочих и воинских депутатов. По предложению большевистской фракции было определено, что в ревком отныне входят: весь исполком Советов Эстляндии, весь исполком Таллинского Совета, по одному представителю от партии большевиков, партии эсеров, Центрального бюро профсоюзов, Центрального Совета старост, Съезда армии, крепостного комитета, местного флотского комитета и Объединенного военного комитета¹¹⁷.

Опасаясь, что некоторые из указанных организаций направят в ревком правых эсеров или меньшевиков, фракция большевиков тут-же внесла предложение: Совет выражает пожелание, чтобы в Военно-революционный комитет были делегированы «представители, стоящие на платформе перехода власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Таллинский Совет 72-мя голосами против 54-х принял предложение большевиков. Фракции эсеров, меньшевиков и беспартийных требуют занести в протокол их общий протест¹¹⁸.

¹¹⁵ ЦГАОР ЭССР, ф. Р-1217, оп. 1, ед. хр. 1, л. 18.

¹¹⁶ Там же, л. 7.

¹¹⁷ ЦГАОР ЭССР, ф. Р-1216, оп. 1, ед. хр. 4, л. 171.

¹¹⁸ Там же

Наличие в Военно-революционном комитете Эстонского края значительной и довольно воинственной группы эсеров осложняло работу Рабчинского в ревкоме. Много сил уходило на преодоление скрытого, а подчас и явного сопротивления эсеров и меньшевиков мерам, проводимым большевистской частью ревкома. Дело нередко доходило до крупных разногласий и острых столкновений между большевиками и эсеро-меньшевистской частью ВРК.

Уже на первом после победы восстания заседании ВРК 26 октября 1917 года имела место провокационная вылазка эсеров. Комиссар Скачков (правый эсер) сообщил, что «им велись разговоры по Юзу с Искосолом, причем из разговоров им выяснено, что вся 12-я армия против выступления большевиков в Петрограде, но вместе с тем они (т. е. члены Искосола — Д. Р.), не выступят с оружием в руках для подавления этого выступления». Далее в протоколе говорится: «В силу этого комиссар Скачков предлагает произвести плебисцит между всеми частями Ревельского укрепленного района в отношении к организации новой власти, дабы тем самым установить настроение масс и на основании этого установить полный контакт с частями 12-ой армии».

Антисоветская вылазка эсера получила сокрушительный отпор со стороны большевиков. Были разоблачены лживые утверждения Скачкова о враждебном отношении «всей 12-ой армии» к пролетарской революции. В действительности, подавляющая часть солдат армии приветствовала революцию. Ревком постановил: «контакт [с частями 12-ой армии] уже установлен, а потому необходимость предприятия каких-то новых мероприятий на этот счет является излишним». Ревком предложил: «послать телеграмму всем частям 12-ой армии, что влившиеся в Ревельский укрепленный район [войска] находятся в полном контакте с Ревельским Советом рабочих и воинских депутатов и Военно-революционным комитетом, выделенным местными демократически-революционными организациями. Комиссару Скачкову предложить прекратить разговоры по Юзу с Искосолом»¹¹⁹.

Позицию большевиков в ревкоме активно поддержали рабочие Таллина; так общее собрание рабочих и солдат

¹¹⁹ ЦГАОР ЭССР, ф. Р-1217, оп. 1, ед. хр. 1, л. 3.

Русско-Балтийского судостроительного завода в своей резолюции, приветствующей 2-й Всероссийский съезд Советов, одновременно заявляло: «Категорически протестуем против распространения провокационных телефонограмм начальником штаба Шварцем и комиссаром Скачковым. Просим Таллинский Военно-революционный комитет принять меры против комиссара Скачкова и начальника штаба Шварца»¹²⁰.

Правые эсеры в самые напряженные моменты борьбы с контрреволюцией пытались навязать большевикам в ревкоме длинные дискуссии с целью парализовать активность и энергию ревкома. Д. Э. Миланова рассказывает:

«Мне очень часто приходилось бывать на заседаниях Военно-революционного комитета. Нередко здесь вспыхивали горячие споры, принимавшие порой крайне острый характер. Эсеры закатывали большевикам бурные сцены. Я была свидетельницей того, как эсер из студентов Эраст Мейстер с пеной у рта ругал большевиков за их «губительную для революции политику». Помню, как он ворвался в помещение ревкома с истошным криком: «Большевики украли у нас программу! Это наша программа!» (речь шла о законе о земле, принятом II Всероссийским съездом Советов). Мейстер бежал по комнате, потрясая кулаками и выкрикивая какие-то злые слова. Я следила за Рабчинским. С легкой насмешкой глядел он на истеричного эсера, спокойно ожидая, когда тот выкричится. А потом с убийственной иронией высмеял «доводы» Мейстера. Мейстер сник, забился в угол и молчал до очередного взрыва. Мы, молодежь, удивлялись умению Рабчинского спокойно и метко парировать выпады эсеров»¹²¹.

П. И. Девишин рассказывает:

«Особенно рьяно выступал против большевиков в ревкоме Лебедев, типичный правый эсер. Серенькое лицо, серенькие волосы, а весь какой-то напыщенный, важный. Он отлично владел собой, что превращало его в более опасного противника, чем, скажем, Мейстер. Остался у меня в памяти один случай, когда я оказался причиной ожесточенной стычки между Рабчинским и Лебедевым.

¹²⁰ ПА КПЭ, ф. 6364, оп. 1, ед. хр. 97, л. 6.

¹²¹ Запись беседы автора с Д. Э. Милановой 23 мая 1959 года.

Как-то Иван Васильевич, было это в первые дни после победы революции, вызывает меня к себе и говорит:

— Пехотный полк (сейчас не помню какой) утром принял резолюцию: сняться и двигаться к Петрограду. Ясное дело, солдат обманули офицеры-корниловцы. Отправляйтесь немедленно в полк, созовите новое собрание и добейтесь отмены этой позорной резолюции.

Опускаю подробности того, как проходило собрание, скажу лишь, что солдаты после моего выступления приняли резолюцию, в которой заявили о своем полном подчинении ревкому. Возвращаюсь с резолюцией в кармане в Военно-революционный комитет. Там идет заседание. Прошу слово и докладываю: полк передумал, на Петроград не пойдет! Рабчинский доволен, с просветленным лицом читает резолюцию. А Лебедева так и передернуло, он затаил свою обычную волюнку. О солдатах полка Лебедев говорил с каким-то озлоблением: «Эти люди... это стадо... эти предатели...». Рабчинский и на этот раз дал достойную отповедь эсеру. Много слов Иван Васильевич на эсеров не тратил, но каждое его слово било в цель. Бас Рабчинского, звучавший в разговоре с нами спокойно и даже мягко, наливался металлом, когда он громил эсеров, вроде Лебедева.

В споры с нами, большевиками, ввязывался и эсер Авсарагов. Этот был настроен более миролюбиво, чем Лебедев, избегал острых конфликтов и осложнений. Франтоватый солдат из вольноопределяющих, Авсарагов любил красное словцо, был мастером маневрировать, крутить. Как-то при мне Авсарагов стал развивать эсеровскую теориейку о том, что во главе революции в России должны стоять эсеры. Доказывал он это так: «Кто совершил революцию? Солдаты! А кто солдаты? Крестьяне! Значит, руководство революцией должно принадлежать крестьянской партии — эсерам, а большевики не имеют право претендовать на руководство революцией». Рабчинский без труда разбил эту «теорию». В сжатых фразах сформулировал суть аграрной политики большевиков, руководящую роль рабочего класса в отношении трудового крестьянства, и от рассуждений Авсарагова ничего не осталось. Рабчинский говорил очень просто, по-рабочему, бил прямо в лоб. Эсеры его крепко побаивались»¹²².

¹²² Запись беседы автора с П. И. Девишиным 23 мая 1959 г.

Особенно обострились в ревкоме отношения между большевиками и эсерами в связи с роспуском Губернского земского совета. Узнав о ликвидации трудовым народом этого осинового гнезда, эсеры пришли в ярость, метали гром и молнии. Они вызвали на заседание Военно-революционного комитета, происходившее 15 ноября 1917 года сразу же после роспуска Губернского земского совета, своих союзников из фракций эстонских воинов, украинских воинов и социалистической фракции этого ликвидированного революцией органа. Эсеры хотели инсценировать на заседании ревкома «возмущение масс» разгоном Губернского земского совета.

Представители указанных фракций заявили протест против действий исполкома Советов Эстонии и комиссаров Военно-революционного комитета, потребовали отмены решения о роспуске земского совета. К их протесту присоединились делегаты различных эстонских и украинских воинских комитетов, находившихся в руках эсеров. Представитель одного из этих комитетов внес провокационную резолюцию: пока в стране нет власти, опирающейся на все социалистические партии, вся власть в Эстонии должна перейти к земскому совету, который следует демократизировать, введя в него представителей Совета рабочих и воинских депутатов, Военно-революционного комитета и т. д.

Выслушав делегации, ревком постановил приступить к обсуждению их заявлений. Первым взял слово Кингисепп, руководивший ликвидацией осинового гнезда. Он сообщил, что трудящиеся Таллина горячо поддержали решение исполкома Советов Эстонского края, о чем убедительно свидетельствуют резолюции, принятые на заводах, фабриках, в эстонских полках. Желая до конца разоблачить антисоветский характер внесенной резолюции, Кингисепп предложил обсудить поднятые в ней вопросы о передаче всей власти земскому совету и о его демократизации.

Член ревкома эсер Степанов попытался ослабить впечатление от речи Кингисеппа, заявив, что «масса была вызвана протестовать, но она не умела протестовать». Эсер выразил опасение, что «после таких выходов оппозиция буржуазии должна усилиться». Эсера тут же уличил во лжи член ревкома большевик Реймец. Он сам был на площади и участвовал в роспуске земского со-

вета. Если во время роспуска этого контрреволюционного органа и были допущены толпой отдельные факты насилия, то они были вызваны поведением буржуазного лидера Я. Тыниссона, который своей речью возбудил против себя народ.

С гневной отповедью эсеру Степанову выступил также большевик Пальги. Протестуя против утверждений эсеров, что разгон земского совета есть посягательство на национальную свободу эстонцев, большевистский оратор заявил, что исполком Советов Эстонии, принявший решение о ликвидации этого антидемократического органа, состоит исключительно из эстонцев. Пальги подчеркнул, что исполком Советов Эстонии, осуществляя роспуск земского совета, опирался не на военных, а на пролетарские массы.

Слово потребовал член ревкома эсер Александров:

— Такими способами мы далеко не уйдем! Это не организованная борьба! Демонстрацию можно делать, но делать надо организованно!

Снова выступает Кингисепп, он едко высмеивает эсеров Степанова и Александрова, говорит, что их речи пропитаны страхом. Кингисепп указал, что буржуазия ведет определенную политику, целью которой является дискредитация революционных организаций. Только решительными мерами можно повести за собою массы, продолжает Кингисепп. Так и в данном случае, совершенно правилен путь — опираться в своих начинаниях на массы. В заключение Кингисепп заявил, что имея ввиду все обстоятельства, связанные с политическим положением страны при совершившейся пролетарской революции, исполкому Советов Эстонского края ничего другого не оставалось, как распустить земский совет.

С типично соглашательской речью выступил член ревкома эсер Авсарагов. Признав, что Губернский земский совет не является носителем революционной власти, Авсарагов тут же заявил, что он не согласен с тем, как он был ликвидирован: «Вопрос в формах борьбы. Такой путь борьбы, который имел место при данном случае, не допустим. Необходима организованная парламентская борьба. Борьба не организованная, может превратить наших же сторонников в наших врагов. Подобными тактическими приемами мы далеко не уйдем...».

Авсарагову ответил член ревкома, большевик Пасюта:

члены Губернского земского совета сами спровоцировали демонстрантов. Нельзя отнять у массы права выявлять свои взгляды на то, какие органы должны управлять страной.

На помощь Авсарагову поспешил эсер Степанов. Он стал пространно говорить о том, что «не трусость и боязнь руководит ими, эсерами, если они высказываются против тех методов борьбы, которыми пользуются большевики. Для роспуска Губернского земского совета не надо было прибегать к решительным методам борьбы...».

В третий раз взял слово Кингисепп, заявивший, что «необходимо было решительно действовать против контрреволюционного Губернского земского совета, если мы не хотели самих же себя дискредитировать в глазах масс. Массы стоят за партиями пролетариата и беднейшего крестьянства, что показали выборы в Учредительное собрание в Таллине, и мы можем нерешительными действиями только оттолкнуть от себя массы».

Рабчинский подводит итоги обсуждения вопроса. В протоколе заседания его речь записана так: «Тов. Рабчинский находит, что власть Советов никем из ораторов не оспаривается. Исполнительный комитет Эстонского края имел полное право издавать декрет о роспуске Губернского земского совета. Предлагает вынести резолюцию, где указывается, что Военно-революционный комитет вполне разделяет позицию, занятую исполнительным комитетом Эстонского края...».

Эсеры потерпели полное поражение. Ревком постановил, что все дела Губернского земского совета переходят к исполкому Советов Эстонского края, «у входа в зал заседания бывшего Губернского земского совета поставить караул, чтобы не дать бывшим членам совета возможность продолжать заседания»¹²³.

Потерпев поражение в ревкоме, эсеры перенесли вопрос о земском совете в Таллинский Совет рабочих и военных депутатов. Кингисепп, выступивший на его заседании 17 ноября 1917 года с докладом о деятельности Военно-революционного комитета, твердо заявил: «Военно-революционный комитет оставляет без внимания протесты со стороны представителей социалистических фракций земского совета и представителей эстонских и

¹²³ ЦГАОР ЭССР, ф. Р-1217, оп. 1, ед. хр. 1, лл. 31—33.

украинских войск, ибо, во-первых, бывший земский совет является учреждением недемократическим, а во-вторых, Военно-революционный комитет действует согласно лозунгу — вся власть Советам...».

Большинством голосов Таллинский Совет постановил: в связи с докладом никаких вопросов не поднимать¹²⁴.

Члены ревкома — эсеры противились осуществлению и ряда других мер, которые предлагали большевики. Принципиальное значение имел вопрос о цензуре. Его поставил на заседании ревкома 17 ноября 1917 года И. В. Рабчинский. Речь шла о введении предварительной цензуры на буржуазную печать. В связи с этим возникла необходимость сменить старого цензора и назначить на его место большевика, комиссара ревкома по делам печати И. Кясперта. Слово берет эсер Александров: «Нужно ли вообще вводить цензуру» — вопрошает он. Эсеры явно не желали обуздать буржуазную печать, которая лила грязь на Советскую власть и большевиков. Ревком принял предложение большевиков: ввести предварительную цензуру. «Фракция социалистов-революционеров, — читаем мы в протоколе, — голосовала против введения предварительной цензуры»¹²⁵.

Эсеры снова и снова выступали против большевиков в ревкоме, но неизменно терпели поражение. Большевики не дали эсерам поколебать твердую, ленинскую позицию ревкома. Рабчинский поручал ответственные задания только большевикам. Он контролировал каждый шаг эсеровских членов ревкома. О секретных вещах говорить при них воздерживался. «В своих отчетах перед Советом, — пишет Рабчинский, — я умалчивал о вопросах, не подлежащих широкой огласке, ибо Совет состоял из представителей различных партий, вплоть до буржуазных, которым нельзя было раскрывать секретных сведений»¹²⁶. Такой же позиции Рабчинский держался и в ревкоме. Ряд важных мер принимались большевиками без эсеровских членов ВРК. Так последние узнали о роспуске земского совета комиссарами ревкома уже пост-фактум.

И. В. Рабчинский имел все основание заявить, что

¹²⁴ ЦГАОР ЭССР, ф. Р-1216, оп. 1, ед. хр. 4, л. 180.

¹²⁵ ЦГАОР ЭССР, ф. Р-1217, оп. 1, ед. хр. 1, л. 34.

¹²⁶ Фонд Института истории партии при ЦК КПЭ, Воспоминания, т. 22, стр. 77—83.

«Военно-революционный комитет с честью выполнил возложенные на него задачи»¹²⁷. Это стало возможным в результате того, что большевики обеспечили в ревкоме последовательную, ленинскую линию по всем вопросам. Несмотря на наличие в составе ревкома эсеров и меньшевиков, Военно-революционный комитет Эстонского края поистине был большевистским, и таким вошел в историю социалистической революции в Эстонии.

5

12 ноября 1917 года состоялись выборы в Учредительное собрание. Большевики в Эстонии одержали на выборах большую победу. За них было подано в Таллине больше всего голосов — 22 024 (47,6 процента). В Учредительное собрание от Эстонии были избраны большевики Я. Анвельт, В. Кингисепп, И. Рабчинский.

Открытие Учредительного собрания намечалось на 24 ноября 1917 года. Центральный Комитет партии специальными телеграммами вызывал в Петроград большевиков, избранных в Учредительное собрание. Был вызван в Петроград и Рабчинский. Иван Васильевич тепло простился с товарищами, сдал дела по ревкому П. Девизинову и выехал в столицу¹²⁸. Не думал он, что никогда больше не увидит Таллина, где столько пережил, где довелось ему принять активное участие в социалистической революции.

Всего лишь полтора месяца не был Рабчинский в Петрограде, а как круто за это время изменилась судьба великого города на Неве. Октябрьская революция превратила его в столицу первого в истории человечества государства рабочих и крестьян. Рабчинский едет в Смольный. В нем словно еще бушуют волны недавней революционной бури. Смольный полон жизни, кипучей энергии. Здесь Центральный Комитет партии, Совет Народных Комиссаров, здесь Ленин. Как часто в грозные часы восстания мысль устремлялась к Смольному.

¹²⁷ И. Рабчинский, «Октябрьские дни в Эстонии», указ. сб., стр. 421.

¹²⁸ Личный архив И. В. Рабчинского в Москве. Командировочное удостоверение № 1270 от 28 ноября 1917 г., выданное на право проезда в Петроград и обратно.

В Центральном Комитете партии Рабчинского сразу же ввели в курс событий. Открытие Учредительного собрания откладывается до момента, когда в Петрограде соберется более 400 депутатов. Кадеты, правые эсеры и меньшевики, оказавшиеся в Учредительном собрании в большинстве, плетут контрреволюционный заговор, намереваясь использовать Учредительное собрание для свержения Советской власти. Рабчинского осведомили, что подавляющая часть большевистской фракции Учредительного собрания разошлась с Центральным Комитетом партии, встав на глубоко ошибочную, буржуазно-демократическую точку зрения, будто Учредительное собрание призвано окончательно решить вопрос о власти в стране.

Изложение тактики Центрального Комитета в отношении Учредительного собрания Рабчинский услышал от самого Ленина на собрании большевистской фракции, состоявшемся 1 декабря 1917 года. А 12 декабря на обсуждение фракции были поставлены знаменитые тезисы Ленина об Учредительном собрании. С предельной ясностью и железной логикой Ленин разъяснял, что Республика Советов является более высокой формой демократизма, чем обычная буржуазная республика с Учредительным собранием. Если Учредительное собрание разойдется с Советской властью, противопоставит себя ей, то неминуемо осудит себя на политическую смерть. После длительной дискуссии фракция единогласно приняла тезисы Ленина. Рабчинский голосовал за них с огромной верой в мудрость и правоту Ленина.

Нам думается, что к этому времени относится знаменательное событие в жизни Рабчинского — Я. М. Свердлов представил его Владимиру Ильичу Ленину. При этом Свердлов сказал: «Это представитель нашей советской жемчужины»¹²⁹.

Открытие Учредительного собрания задерживалось. Рабчинский не мог быть без постоянного дела. В это время «нарком почт и телеграфа Глебов-Авиллов, — пишет Рабчинский, — предложил мне сотрудничать в качестве члена коллегии. Мы поехали с ним к Владимиру Ильичу, который одобрил мое согласие»¹³⁰. 14 декабря

¹²⁹ Фонд Института истории партии при ЦК КПЭ, воспоминания, т. 2, стр. 192—200.

¹³⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 1583, л. 15.

1917 года Иван Васильевич был назначен членом коллегии народного комиссариата почт и телеграфа¹³¹. Он ведал в наркомате телеграфным, телефонным и радиотелеграфным отделами. Вскоре он стал заместителем наркома почт и телеграфа. На этой работе Рабчинский мог широко и с пользой применить знания, полученные им в Политехническом институте.

Открытие Учредительного собрания было назначено на 5 января 1918 года. В этот день «Правда» вышла с лозунгом: «Сегодня члены капитала и их наемники хотят вырвать власть из рук Советов. Да здравствует Коммунистическая революция!». В «Правде» была напечатана «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», в которой говорилось: «Россия объявляется республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов...».

Хмурый зимний день. В городе тревожно. Контрреволюционеры готовят антисоветский мятеж. Таврический дворец охраняется отрядом матросов с «Авроры» и «Республики». Предъявив свое удостоверение члена Учредительного собрания от города Таллина, Рабчинский прошел во дворец. В боковом крыле он разыскал комнату большевистской фракции. Она постепенно заполнялась. Ждали Ленина. Владимир Ильич приехал в час дня. Вскоре открылось заседание большевистской фракции. Было решено, что первое заседание Учредительного собрания откроет от имени ВЦИК Свердлов. Он огласит «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и предложит Учредительному собранию принять ее.

Ровно в 4 часа дня делегаты вошли в багрово-красный зал. Большевики заняли левый сектор огромного амфитеатра. Рабчинский видел, как Ленин быстро прошел мимо стоявших в проходе матросов в правительственную ложу. На хорах, битком набитых представителями петроградских заводов, полков и флотских экипажей, радостно загудели. Вдруг из первых рядов сектора, занятого правыми эсерами, поднялся старичок и засеменял к председательской трибуне. Он уже было взялся за звонок, но в этот момент на председательской трибуне

¹³¹ Личный архив И. В. Рабчинского в Москве. Трудовой список № 3501.

появился Свердлов, властно отстранил старичка и своим мощным голосом объявил первое заседание Учредительного собрания открытым.

Свердлов огласил декларацию. Как и ожидали большевики, правые эсеры и меньшевики отказались даже обсуждать ее. Один за другим поднимались они на трибуну и произносили напыщенные, полные клеветы на большевиков и Советскую власть речи. Рабчинский смотрел на Ленина. Насмешливо улыбаясь, он что-то записывал. На лице Ленина отражались скука и нетерпение. Через несколько дней, прочитав в «Правде» речь Ленина на заседании ВЦИК, Рабчинский поразился, как метко Владимир Ильич передал те чувства, которые переживали в зале Учредительного собрания все большевики: «Когда я, — сказал Ленин, — попал из бьющего ключом, полного жизни Смольного — в Таврический дворец, я почувствовал себя так, как будто бы я находился среди трупов и безжизненных мумий»¹³².

Большевики потребовали устроить перерыв и собрались на второе за этот день заседание фракции. На этом заседании председательствовал Иван Васильевич Рабчинский¹³³. Владимир Ильич зачитал декларацию, в которой большевики заявляли, что Учредительное собрание, отказавшись признать завоевания Октябрьской революции, тем самым бросило вызов всей трудящейся России. Решено было в зал не возвращаться. Туда вернется только представитель фракции, который огласит декларацию, после чего все большевики покинут Таврический дворец. Так и было сделано. А через несколько часов «деятельность» Учредительного собрания была прекращена.

Все большевики — члены Учредительного собрания, в том числе Рабчинский, были введены в состав III Всероссийского съезда Советов, который открылся в том же Таврическом дворце несколько дней спустя после разгона «учредилки». Опять Рабчинский переживал великое счастье слушать Ленина. Было радостно услышать слова Ленина о маленькой Эстляндии, о путях ее перехода к социализму. На III Всероссийском съезде Советов Рабчинский был избран в состав Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

¹³² В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 399.

¹³³ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 1583, л. 15 (об.).

В феврале 1918 года войска кайзера Германии, вероломно нарушив перемирие, возобновили наступление и стали угрожать Петрограду. Здесь был создан Комитет революционной обороны во главе с Я. М. Свердловым. Комитет поручил Рабчинскому ответственное задание. Сохранилось удостоверение, выданное Рабчинскому Чрезвычайным штабом Комитета революционной обороны в том, что «ему поручена организация телефонной, телеграфной и радиотелеграфной связи между частями Красной Армии. Организационный пункт — народный комиссариат почт и телеграфа»¹³⁴.

В считанные часы под руководством Рабчинского была организована новая связь между всеми военными и партийными органами и между позициями, преграждавшими доступ к Петрограду. Работа Рабчинского была отмечена благодарственной грамотой¹³⁵.

Вместе с Советским правительством Рабчинский переехал в Москву. Он принимает участие в IV Всероссийском съезде Советов и на нем снова избирается членом ВЦИК. До мая 1918 года Рабчинский работал в наркомате почт и телеграфа. О том, как высоко ценили опыт Ивана Васильевича, убедительно свидетельствует телеграмма на имя председателя ВЦИК Я. М. Свердлова из Совета Комиссаров Петроградской Трудовой Коммуны: «Прошу оказать содействие немедленному отъезду в Петроград Рабчинского. Здесь он весьма нужен, как знающий телеграфное дело...»¹³⁶.

2 мая 1918 года ВЦИК делегирует Рабчинского своим представителем в Комиссию по проведению в жизнь Брестского договора. Одновременно он назначается членом Чрезвычайной комиссии по топливу. В этот же период Рабчинский начинает работать в редакции газеты «Правда», где он вел отдел «Жизнь провинции». На страницах «Правды» часто появлялись его статьи, корреспонденции, ответы рабкорам. В июне 1918 года Рабчинский назначается членом коллегии Горного отдела Высшего Совета Народного Хозяйства, где возглавляет

¹³⁴ Личный архив И. В. Рабчинского в Москве. Удостоверение № 211 на бланке Комитета революционной обороны за подписью Крыленко и Гусева.

¹³⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 1583, л. 19.

¹³⁶ Личный архив И. В. Рабчинского в Москве.

Билет члена ВЦИК И. В. Рабчинского, избранного IV чрезвычайным Всероссийским Съездом Советов.

секцию золота и платины. С января 1919 года он заместитель председателя Горного отдела ВСНХ.

Страна, разоренная войной, испытывала острую нехватку соли. Рабчинский предложил перебросить на Баскунчакское озеро экскаваторы и таким образом резко поднять добычу соли. Несмотря на то, что специалисты возражали против этого, экскаваторы были доставлены на озеро и страна получила дополнительно много соли, что ослабило острый соляной голод¹³⁷.

Находясь в Петрограде и в Москве, занятый ответственными государственными делами, Рабчинский не теряет связи с эстонскими большевиками. Он ловит каждую весточку из оккупированной германскими войсками Эстонии, полный уверенности, что недалек тот день, когда ее трудовой народ поднимется на борьбу за восстановление Советской власти на своей многострадальной земле.

¹³⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 1583, л. 15 (об.).

Поздней осенью 1918 года долгожданная буря, наконец, грянула. 29 ноября в Нарве, освобожденной от немецких и белых отрядов, была провозглашена Эстляндская Трудовая Коммуна. Совет Коммуны, возглавляемый Я. Анвельтом, обнародовал манифест о восстановлении Советской власти в Эстонии. Красная Армия, в рядах которой сражались эстонские коммунистические полки, быстро продвигалась вперед. На освобожденной территории возрождались органы Советской власти. Войска буржуазного правительства, созданного западными империалистами в Таллине, откатывались на запад. В самый критический для них момент к ним на помощь пришли британский флот и финские лахтари. Бои приняли еще более ожесточенный характер.

Рабчинский был глубоко взволнован, когда в один из декабрьских дней 1918 года получил из Нарвы телеграмму: «Все коммунисты Эстляндии мобилизованы. Совет Коммуны предлагает немедленно прибыть в Нарву для занятия ответственной должности»¹³⁸. Вслед за телеграммой пришло письмо от Анвельта, он писал его под грохот кононады во время наступления на Тапа. Анвельт приглашал Рабчинского занять пост политического комиссара красных войск, действовавших против белых в Эстонии¹³⁹. В письме говорилось: «От имени Эстляндской Трудовой Коммуны привет т. Рабчинскому, председателю первого Военно-революционного комитета Эстляндии и просьба немедленно стать в число работников молодой Коммуны. . . Национальный вопрос — самый острый вопрос, как раньше, так и теперь. . . Вы бы сумели оказать Эстляндской Трудовой Коммуне в этом отношении огромные услуги. . .»¹⁴⁰.

Однако Рабчинский не волен был распоряжаться собой, партия поручила ему дело, от которого зависела жизнь людей. Совет Коммуны ходатайствует о направлении в Эстонию Рабчинского перед Центральным Комитетом партии. В разговоре по прямому проводу с И. В. Сталиным 26 декабря 1918 года Я. Анвельт ука-

¹³⁸ ПА КПЭ, ф. 28, оп. 28—1, ед. хр. 474, л. 2.

¹³⁹ Личный архив И. Рабчинского в Москве. Запись от 20 февраля 1934 г.

¹⁴⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 124, ед. хр. 1583, л. 47 (об.).

зывает, что «было бы желательно, если бы кто-нибудь из московских товарищей мог бы приехать в Эстляндию, чтобы ориентировать Совнарком о действительном положении вещей; я лично указал бы на товарища Рабчинского, который как бывший председатель Эстляндского Военно-революционного комитета и депутат помойной (возможно надо — покойной. — Д. Р.) учредилки от батраков Эстляндии хорошо знает наш край и который принес бы нам большую пользу своей работой... Желательно, чтобы товарища Рабчинского командировали в Эстляндию; он был бы здесь незаменим... Прошу переговорить с ним».

И. В. Сталин, говоривший с Анвельтом от имени ЦК партии, поддержал эту мысль: «Мы решили иметь информатора в Нарве для взаимного ознакомления; Рабчинский к такой роли подходит; я переговорю с соответствующим ведомством, чтоб его освободили, но если окажется, что Рабчинского нельзя оторвать здесь от текущей работы, мы предложим тогда вам выставить [другую] кандидатуру или просто назначить другого знающего эстонский язык». В заключение разговора, во время которого обсуждался вопрос об установлении постоянных контактов между обеими советскими республиками, Анвельт повторил просьбу о присылке в Нарву «ответственного коммуниста для информационных целей... Кого пришлете, дело ваше, знание эстонского языка вопрос второстепенный, Рабчинский его тоже не знает»¹⁴¹.

Рабчинский, однако, был крайне нужен в Высшем Совете Народного Хозяйства и не мог покинуть Москву. Тогда Совет Коммуны предложил ему занять пост Уполномоченного Представителя Эстляндской Трудовой Коммуны при Правительстве РСФСР в Москве с тем, чтобы он совмещал его с работой в ВСНХ. Рабчинский дал согласие. В дни, когда решалась судьба эстонского трудового народа, Рабчинский хотел хоть часть своих сил отдать его борьбе за Советскую власть. 9 февраля 1919 года Совет ЭТК на своем заседании, в котором участвовали Анвельт, Пегельман, Кясперт и другие, принял решение: назначить товарища Ивана Рабчинского

¹⁴¹ ПА КПЭ. фотокопия ленты разговора по прямому проводу между И. В. Сталиным и Я. Анвельтом 26 декабря 1918 г., лл. 5, 6, 7, 9 и 12.

Уполномоченным Представителем ЭТК при Российской Социалистической Федеративной Советской Республике¹⁴². Так Рабчинский снова поставил на службу эстонскому пролетариату свой опыт, свою энергию.

Уполномоченное Представительство Эстляндской Трудовой Коммуны помещалось на Пречистенском бульваре. Аппарат его был весьма невелик, кроме самого уполномоченного, 3—4 сотрудника. Интересно отметить, что в качестве уполномоченного ЭТК в Москве Иван Васильевич заработной платы не получал, ограничиваясь, как он сам писал, «содержанием от Горного отдела ВСНХ».

Свою деятельность на новом поприще Рабчинский начал с официального визита народному комиссару по иностранным делам Российской Федерации Г. В. Чичерину. В своем отчете наркому международной связи ЭТК Рабчинский писал: «15 февраля я посетил нар.ком. Чичерина, которому предъявил свой мандат... Тов. Чичерин сообщил между прочим, что в ближайшее время будут созваны Уполномоченные для решения ряда вопросов Советских республик и в том числе о границах...»¹⁴³.

Речь шла об установлении административных границ между РСФСР и возникшими в этот период независимыми советскими республиками, в том числе Эстонской. Каждая из них выработывала предложение о границах. В феврале 1919 года Совет Коммуны прислал Рабчинскому директивы по этому вопросу, из них со всей очевидностью явствует, что Совет ЭТК и его руководители подходили к проблемам границы, федерации советских республик, объединения экономических ресурсов советских республик, как последовательные ленинцы, пролетарские интернационалисты.

В директивах Рабчинскому о границах Эстляндской Советской республики Совет ЭТК писал:

«Совет ЭТК не имеет ввиду ввести таможенные границы по линии Советских республик. Если коммунистическая Эстляндия говорит вообще о границах, то только в смысле разграничения сферы действия административной власти между соседними советскими республи-

¹⁴² ПА КПЭ, ф. 28, оп. 28—1, ед. хр. 2, л. 60 (об.).

¹⁴³ ПА КПЭ, ф. 28 оп. 28—1, ед. хр. 469, л. 11.

ками и налаживания экономической жизни в пределах данной республики сообразно местным условиям и быту, при постоянном соблюдении интересов республик всех трудящихся».

Руководители ЭТК в директивах своему уполномоченному представителю в Москве указывали, что «мы не стремимся к увеличению территории Эстляндской Трудовой Коммуны, если это не связано необходимостью с общим устройством экономической жизни страны... мы довольствуемся теми границами Эстляндии, которые проведены по приложенной карте и которые в сущности представляют собою границы Перновского, Феллинского, Юрьевского, Верроского и Везенбергского уездов царского режима...».

Совет ЭТК уполномочил Рабчинского выразить пожелание, чтобы город Валк (Валга) с железнодорожной станцией был бы «предоставлен, как в наше, так и в распоряжение Латвии... так как количество жителей эстонского и латышского происхождения в Валке одинаковое, притом станция Валк необходима по своему местонахождению как Латвии, так и Эстляндии».

В вопросе о железных дорогах точка зрения Совета ЭТК сводилась к следующему: принципиально за выделение Эстляндских железных дорог в самостоятельную единицу, но во время гражданской войны по техническим и военным причинам осуществление подобной меры сопряжено с большими трудностями, поэтому «мы склоняемся к тому, чтобы наши дороги, в экономическом отношении были бы в ведении Северо-Западных Российских дорог; в административном же отношении и по отношению к составу служащих мы требуем подчинения нам».

С позиций пролетарского интернационализма Совет Коммуны подходил и к вопросу о федерации: «Мы считаем насущным требованием федерироваться с советскими республиками для защиты их против империалистов и капиталистов всего мира, а также с целью налаживания экономической жизни пролетарских государств...»¹⁴⁴.

Руководствуясь этими директивами, Рабчинский делал все возможное, чтобы в сложной обстановке граж-

¹⁴⁴ ПА КПЭ, ф. 28, оп. 28—1, ед. хр. 469, лл. 1 и 2.

данской войны содействовать развитию эстонской советской государственности. Он глубоко понимал нужды и условия Эстляндской Трудовой Коммуны и твердо проводил на своем посту ленинскую национальную политику, декреты ВЦИК и Совнаркома РСФСР, в которых они безоговорочно и торжественно провозгласили признание независимости Советской Эстляндии, суверенное право ее народа устраивать жизнь по своему усмотрению; Рабчинский неуклонно следовал этому принципу во всех своих отношениях с Советом ЭТК, боролся с отдельными шовинистами, которые пытались умалить права ЭТК.

Ленин, как известно, со всей страстью и энергией обрушивался на тех, кто допускал хоть малейшее ущемление прав национальных советских республик под предлогом единства железнодорожной службы, под предлогом единства фискального и т. п. Ленин требовал решительной борьбы с подобными злоупотреблениями и «особой искренности тех, которые за такую борьбу возьмутся». Он указывал: «Тут потребуются детальный кодекс, который могут составить сколько-нибудь успешно только националы, живущие в данной республике»¹⁴⁵.

Если взглянуть на деятельность Рабчинского на посту полпреда ЭТК в Москве с позиций ленинских требований, то мы убедимся в том, что он правильно и последовательно осуществлял политику партии в национальном вопросе, проявлял подлинную искренность в борьбе за укрепление эстонской советской национальной государственности.

27 февраля 1919 года в Москве состоялось междомственное совещание при Экономически-правовом отделе народного комиссариата по иностранным делам РСФСР по вопросу «об экономических отношениях Российской республики к вновь созданным Советским республикам — Украине, Литве, Латвии, Эстляндии и т. д. ...». От Эстляндской Трудовой Коммуны в совещании приняли участие Х. Пегельман и И. Рабчинский.

На совещании частично рассматривался вопрос о границах. Представитель Таможенного контроля некий Копайтич совершенно бездоказательно и по существу клеветнически обвинил эстонские советские власти в том,

¹⁴⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 36, стр. 558.

что они приняли по отношению к России ряд заградительных мер, создали свои таможенные органы и т. д. Пегельман и Рабчинский дали достойную отповедь Копайтичу. Пегельман заявил, что правительство Эстляндской Трудовой Коммуны в первые же дни своего существования в самой категорической форме высказалось против создания каких-либо таможенных застав между Эстляндской и Российской Советскими республиками. Заградительные меры были приняты против спекулянтов и для того, чтобы воспрепятствовать проникновению в тыл Красной Армии шпионов под видом мешочников. Далее Пегельман заявил: «Необходим правильный товарообмен и в этом отношении достигнуто полное соглашение между Эстляндской Трудовой Коммуной и Союзом Северных Коммун, причем организация товарообмена сосредоточена в ведении соответствующих центральных органов».

Рабчинский в своем выступлении указал на необходимость исходить из интересов всех Советских республик, учитывая местные условия и быт, следует «оставить за Советскими республиками право действий в зависимости от местных условий, при чем организованный товарообмен не должен встречать препятствий ни с чьей стороны»¹⁴⁶.

В этом духе и была принята резолюция совещания. Между тем, обстановка на эстонском участке фронта резко ухудшилась, Эстляндская Трудовая Коммуна потеряла почти всю свою территорию, поэтому вопрос об административных границах потерял свою актуальность. Рабчинский 21 марта 1919 г. пишет народному комиссару международной связи ЭТК Тракману:

«В свое время мною были получены инструкции: а) о границах, в) о железных дорогах и с) о федерации... Из всех вопросов при Комиссариате Иностранных Дел разбиралась лишь часть вопроса о границах, поскольку это касалось таможенных границ. Это уже вам известно. Затем при Комиссариате Путей сообщения частично затрагивался вопрос о железных дорогах и тоже пока в частичной плоскости. Об этом т. Пегельман тоже вам говорил вероятно. Но вопрос о границах в смысле территориального разграничения сфер управления и распро-

¹⁴⁶ ПА КПЭ, ф. 28, оп. 28—1, ед. хр. 474, лл. 11—15.

странения власти на экономическое и хозяйственное устройство, — этот вопрос пока не рассматривался и никем пока не возбуждался. Имея ввиду общую политическую ситуацию положения Эстляндии вообще и высшего органа Коммуны в частности, я думаю, что особой нужды сейчас же выдвигать нам эти вопросы для их рассмотрения не следует. Поэтому я до сих пор ничего не предпринимал в этом направлении ни в Комиссариате Иностранных Дел, ни в печати. Думаю и дальше выждать до более благоприятного случая. Согласны ли вы с этим?»¹⁴⁷.

На письме есть пометка народного комиссара международной связи ЭТК Тракмана: «Согласен». О своем согласии с точкой зрения Рабчинского Тракман написал ему 24 марта 1919 года: «На ваше письмо от 21 марта сообщаю, что по вопросу о границах в смысле территориального разграничения сферы управления согласен с Вашим мнением»¹⁴⁸.

Рабчинский принимал участие в разработке важнейших документов Эстляндской Трудовой Коммуны, определяющих ее отношения с братской РСФСР. Совет Коммуны направил Рабчинскому проект «Положения об экономических отношениях между ЭТК и РСФСР», в котором указывалось, что Коммуна самостоятельно устраивает свою экономическую жизнь с целью «развития всех производительных сил страны; признается желательным иметь возможно близкое сотрудничество между обоими правительствами». Проект рассматривал также вопросы регулирования товарообмена между РСФСР и ЭТК, принципы расплата за товары и т. д.¹⁴⁹.

После тщательного изучения проекта и «обмена мнениями с некоторыми ответственными работниками в области народного хозяйства», Рабчинский посылает в Совет Коммуны свои соображения по документу. Он пишет: «Желательно трактовать пункт 1-ый так: «Эстляндская Трудовая Коммуна устраивает самостоятельно свою экономическую жизнь для развития всех производительных сил страны в тесной связи и сотрудничестве с Высшим Советом Народного Хозяйства РСФСР»¹⁵⁰. Таким

¹⁴⁷ ПА КПЭ, ф. 28, оп. 28—1, ед. хр. 469, лл. 34 и 34 (об.).

¹⁴⁸ Там же, л. 33.

¹⁴⁹ ПА КПЭ, ф. 28, оп. 3, ед. хр. 361, л. 69.

¹⁵⁰ Там же, л. 74 и л. 68.

образом, Рабчинский предлагал придать более конкретный характер пункту проекта «Положения об экономических отношениях между ЭТК и РСФСР». Предложение это не встретило возражений, так как улучшало проект.

На основе Декрета Совета Народных Комиссаров от 7 декабря 1918 года, подписанного В. И. Лениным, Российская Федерация оказывала братской Советской Эстляндии большую экономическую помощь. Народному комиссариату финансов было предложено отпустить Народному банку Эстляндской Советской республики заимообразно 10 000 000 рублей. Народному комиссариату продовольствия и Высшему Совету Народного Хозяйства поручалось войти в соглашение с соответствующими органами Эстляндской Советской республики на предмет установления товарообмена между обеими республиками¹⁵¹.

Как и было предусмотрено декретом, ЭТК получила в кредит значительные средства, а также сырье, продукты и т. д. По всем этим вопросам Рабчинский постоянно находился в контакте с различными наркоматами и другими учреждениями РСФСР. Так, на межведомственном совещании при Народном комиссариате путей сообщения РСФСР, состоявшемся 20 мая 1919 года, по предложению Рабчинского обсуждался вопрос о предоставлении Эстляндской Трудовой Коммуне кредита в сумме 300 000 000 рублей для нужд Эстляндской железной дороги¹⁵².

Может показаться странным, что в условиях, когда почти вся территория Эстонии была в руках белоэстонских войск, обсуждался вопрос о кредитах Коммуне для нужд ее железной дороги. Это объясняется тем, что потеря Коммуной территории рассматривалась в тот момент как явление временное, как преходящая военная неудача. Показательно, что как раз в мае 1919 года при участии В. И. Ленина пишется «Проект директивы ЦК РКП(б) о военном единстве», в котором подчеркивалось, что РСФСР ведет оборонительную борьбу в союзе с братскими Советскими республиками Украины, Латвии, Эстонии, Литвы и Белоруссии¹⁵³.

¹⁵¹ «Известия ВЦИК» от 8 декабря 1918 г.

¹⁵² ПА КПЭ, ф. 28, оп. 3, ед. хр. 361, лл. 89 и 90.

¹⁵³ «Ленинский сборник», т. XXXIV, 1942 г., стр. 120—121.

Через своего уполномоченного представителя в Москве Совет Коммуны вел переговоры с государственными учреждениями РСФСР о возвращении ему имущества, оказавшегося в ходе военных действий на территории РСФСР. Государственные учреждения РСФСР относились к такого рода просьбам с исключительным доброжелательством.

Так, 24 февраля 1919 года Рабчинский направляет в нарком индел РСФСР письмо, в котором пишет: «На основании полученного от Совнаркома Эстляндской Трудовой Коммуны предписания, честь имею просить Комиссариат Иностранных Дел возбудить на ближайшем заседании Совнаркома [РСФСР] вопрос о передаче всех выведенных из пределов Эстонии судов, принадлежавших частным лицам, казенным портам и строительством портов и крепостей Эстляндской Трудовой Коммуны. Решение вопроса прошу ускорить, принимая во внимание следующее соображение. . .». И далее Рабчинский указывает, что до открытия навигации осталось сравнительно мало времени, а многие суда нуждаются в ремонте и в переделке и не укомплектованы командами; необходимость срочной передачи судов диктуется также тем, что «предположены большие общественные работы с крупными перевозками. . .»¹⁵⁴.

Передаче судов помешало резкое ухудшение положения на фронте, потеря Советом Коммуны почти всей своей территории. Насколько чутко и внимательно относились ведомства РСФСР к ходатайствам Совета Коммуны о передаче ему имущества, свидетельствует хотя бы такой факт: не имея возможности быстро демонтировать оборудование маленького завода, принадлежавшее ЭТК, хозяйственные органы РСФСР предложили передать ей оборудование любого другого аналогичного предприятия, находящегося вблизи Эстонии.

Экономические и хозяйственные вопросы вообще занимали большое место в деятельности Уполномоченного Представителя ЭТК при РСФСР. Много заданий поступало от отдела промышленности Народного Комиссариата народного хозяйства Коммуны. Вот одно из них: в Москве находилась контора Нарвской суконной фабрики (быв. Штиглиц); Рабчинский получает зада-

¹⁵⁴ ПА КПЭ, ф. 28, оп. 3, ед. хр. 361, л. 3.

ние установить контроль за ее деятельностью, проверить, имеет ли она склады с товарами и тоже взять их под свой контроль¹⁵⁵. Поручений такого рода было много.

Как Уполномоченный Представитель ЭТК, Рабчинский непосредственно подчинялся народному комиссару международной связи Коммуны и должен был через него подробно информировать Совет Коммуны о деятельности Российского Советского правительства, присылать в Совет Коммуны все важнейшие декреты и постановления правительства РСФСР, сообщать о положении на фронтах гражданской войны. Кроме того, Рабчинский обязан был систематически информировать Совет Коммуны о партийной жизни (деятельность ЦК РКП(б), съезды и конференции партии и т. д.)¹⁵⁶.

Рабчинский исключительно добросовестно выполнял все задания Совета Коммуны, обстоятельно информировал его обо всем, что могло оказаться полезным для работы правительства ЭТК. Он умело выделял и отбирал сведения, которые могли помочь Совету Коммуны как в определении своей политики, так и в практической деятельности. Здесь сказался большой партийный опыт Рабчинского, глубокое понимание им проблем, стоявших перед ЭТК.

Большой интерес представляет письмо Рабчинского наркому международной связи ЭТК от 20 марта 1919 года, в котором он рассказывает о VIII съезде РКП(б); письмо это очень хорошо показывает, как Рабчинский подходил к информированию Совета ЭТК.

«ПАРТИЯ. 18 марта открылся 8-й съезд. Съехалось много делегатов; в составе очень много новых, малоизвестных лиц. Судя по первому заседанию, можно думать, что съезд пройдет дружно. Подробности писать не буду, т. к. завтра все будет в газетах, которые вам будут посланы...». Далее Рабчинский излагает доклад В. И. Ленина на съезде, выделяя те места, где вождь партии обосновывал необходимость пересмотра политики партии в отношении среднего крестьянства. Новый курс РКП(б) имел первостепенное значение и для деятельности эстонских коммунистов, которые, как известно, в период Коммуны допускали серьезные ошибки в подходе

¹⁵⁵ ПА КПЭ, ф. 28, оп. 3, ед. хр. 361, л. 56.

¹⁵⁶ ПА КПЭ, ф. 28, оп. 28—1, ед. хр. 474, л. 1.

к середняку, что ослабило позиции Эстляндской Трудовой Коммуны и укрепило ее врагов. Излагая доклад В. И. Ленина, Рабчинский пишет:

«Вторым гвоздем его речи был анализ внутреннего положения классовых группировок в России. Он приходит к выводу о необходимости войти в соглашение со средним крестьянством. Соглашение, разумеется, предполагает ряд существенных уступок среднему крестьянству и в нашем социалистическом смысле — шаг назад, конечно. О конкретных формах этого соглашения он не говорил. Во всяком случае, частная собственность среднего крестьянства, по-видимому, не будет тронута. Остальное прочтете в газетах»¹⁵⁷.

Из переписки Уполномоченного Представителя ЭТК с центральными учреждениями Коммуны (Советом, народными комиссариатами и т. д.) видно, какое большое значение имел опыт Российской Федерации в строительстве эстонской советской государственности. Центральные учреждения Коммуны буквально забрасывали Рабчинского требованиями о присылке сборников постановлений Совнаркома РСФСР, государственных актов наркоматов, ведомственных журналов и т. д.

Приведем лишь краткий перечень затребованных учреждениями ЭТК официальных материалов и ведомственных изданий РСФСР: полный сборник «Узаконений и распоряжений Правительства РСФСР», все ноты Народного комиссариата по иностранным делам РСФСР и все ответы на них, «Вестник Отдела местного хозяйства» (полный комплект), Вестник Народного комиссариата внутренних дел (полный комплект) и т. д.

Рабчинский держал Совет Коммуны в курсе всех важнейших событий международного рабочего и коммунистического движения. Он информировал его о I конгрессе III Коммунистического Интернационала, происходившем в марте 1919 года в Москве, о пролетарской революции в Венгрии и Баварии. Через Рабчинского Совет Эстляндской Трудовой Коммуны приветствовал Советскую Баварию. Сохранилась телеграмма Тракмана Рабчинскому:

«Прошу передать по радио: Совнарком Баварской Советской республики. От имени рабочих и безземельных

¹⁵⁷ ПА КПЭ, ф. 28, оп. 28—1, ед. хр. 469, л. 77 (об.).

Эстляндии приветствуем пролетариат Баварии, освободивший себя от цепей многовекового ига. Коммунистическая Советская семья 3-го Интернационала приобретает все новых и новых членов; в этом залог нашей скорой окончательной победы. Совнарком Эстляндской Трудовой Коммуны и Центральный Комитет Эстляндской организации Коммунистической партии»¹⁵⁸.

По поручению Совета Коммуны Иван Васильевич поддерживал контакты с братскими Советскими республиками и их представителями в Москве. Особенно регулярными были они с Украинской Советской республикой. В апреле 1919 года Рабчинский выезжал по делам Эстляндской Трудовой Коммуны на Украину — в Харьков, Екатеринослав и другие города¹⁵⁹. Рабчинский установил контакт с представителем Советского Туркестана, это первый факт непосредственных связей Советской Эстонии с советскими республиками Средней Азии.

Значительную часть своих сил Рабчинский отдавал делу подбора кадров для Эстляндской Трудовой Коммуны. Тысячи эстонских рабочих, эвакуированных из Эстонии в годы империалистической и гражданской войны, распылились по всей России. На призыв Совета Коммуны прибыть в его распоряжение откликнулись далеко не все, так как многие были заняты на оперативной военной, хозяйственной и советской работе, и местные организации их не отпускали. Рабчинский помогал Совету Коммуны собирать свои кадры, сносился по этому вопросу с различными центральными и местными учреждениями, где надо нажимал, убеждал и т. д.

Об этой стороне работы Рабчинского на посту Уполномоченного Представителя ЭТК при РСФСР убедительно рассказывает его письмо от 20 марта 1919 года в Совет Коммуны: «От уральцев мною получены сведения, что там, на Уральском фронте, работают товарищи эстонцы, партийные. По моему мнению, было бы желательно их оттуда извлечь, особенно Милькопа, который будет полезен по организации телефонной связи между частями дивизии. Он сейчас занимает должность начальника связи полка имени Малышева и дошел до этой должности с рядового. Я его помню еще в Ревеле. Он

¹⁵⁸ ПА КПЭ, ф. 28, оп. 3, ед. хр. 362, л. 43.

¹⁵⁹ Там же, ед. хр. 365, л. 28.

молодой, смысленный и симпатичный товарищ. Вы, вероятно, знаете, через какие инстанции легче всего его вытребовать. Я думаю, что вам будет сподручнее сделать это и дело будет успешнее...»¹⁶⁰.

Далее Рабчинский приводит фамилии еще нескольких эстонских товарищей, находившихся в то время на Урале, и запрашивает согласия Совета ЭТК на то, что бы он возбудил ходатайство о их переводе в эстонскую дивизию Красной Армии.

Руководство Коммуны высоко ценило русских большевиков, принимавших активное участие в Октябрьской революции на территории Эстонии, и стремилось привлечь их к работе в ЭТК. Совет Коммуны был очень заинтересован в Г. С. Соколове, большевике с 1903 года, который в 1917—1918 годах был членом исполкома Советов Эстонского края и пользовался большим уважением среди эстонских рабочих. 20 февраля 1919 года Анвельт направляет на имя Рабчинского телеграмму: «Нам крайне нужен тов. Соколов. Поручается вам доставить его во что бы то ни стало в мое распоряжение». Рабчинский немедленно сносится с Г. С. Соколовым, работавшим в это время председателем Самарского Губернского Совета народного хозяйства, сообщает ему, что он крайне нужен Коммуне в связи с организацией срочных работ в зоне военных действий (Г. С. Соколов был по профессии инженером-строителем). Однако добиться перевода Соколова в распоряжение Коммуны не удалось. Все же Соколов нашел возможность оказаться полезным эстонским трудящимся, так он выразил готовность помочь устроить эстонские семьи, эвакуированные на восток из районов военных действий. По этому вопросу между Рабчинским и Соколовым был постоянный контакт¹⁶¹. Нельзя без волнения читать телеграммы, свидетельствующие о том, как два русских большевика принимали близко к сердцу судьбы женщин и детей, эвакуированных из Эстонии.

В Москве было создано Особое бюро беженцев Эстонии. Рабчинский участвовал в его организации и помогал ему в устройстве эвакуированных эстонских семей. Рабчинский с исключительной чуткостью относился

¹⁶⁰ ПА КПЭ, ф. 28, оп. 28—1, ед. хр. 469, л. 78.

¹⁶¹ ПА КПЭ, ф. 28, оп. 3, ед. хр. 362, л. 69.

к нуждам эстонских трудящихся, оказавшихся на территории Советской России. Приведем один пример.

В Любимском уезде Ярославской губернии осел эстонский крестьянин-переселенец Густав Рийвес, инвалид, обремененный большой семьей. Сын Рийвеса сражался в рядах Красной Армии. Трудоспособной в семье была одна лишь старшая дочь. Земельный участок, на котором поселился Густав Рийвес, представлял собою выруб со множеством корней. Одноконным плугом тут делать было нечего. Пришлось покупать сельскохозяйственные орудия, рассчитанные на пароконную тягу. А одну лошадь у Рийвеса реквизировали для нужд армии. Хозяйству грозила полная остановка, а семье — голод. Густав Рийвес обратился к Рабчинскому с просьбой помочь вернуть лошадь.

Рабчинский обращается в Народный Комиссариат по иностранным делам РСФСР, просит удовлетворить просьбу эстонского крестьянина, попавшего в беду, вернуть ему лошадь «принимая во внимание потерю трудоспособности, многосемейность, приспособленность орудий хозяйства к пароконной обработке и желательности продуктивного использования находящейся в его распоряжении земли»¹⁶².

Нам не известно, чем дело кончилось, но самое отношение Рабчинского к просьбе эстонского крестьянина-переселенца очень показательно. Отметим и то, с какой быстротой Иван Васильевич откликнулся на заявление Густава Рийвеса — оно было отправлено из Ярославской губернии 3 марта 1919 года, а письмо Рабчинского в наркоминдел написано 8 марта.

Трудно даже представить себе какое огромное количество самых разнообразных дел ложилось на плечи Рабчинского. В своем лице он в 1919 году представлял Эстляндию и по линии государственной, и по линии партийной — он являлся не только Уполномоченным Представителем ЭТК при РСФСР, но и Уполномоченным Российского бюро Центрального Комитета Коммунистической партии Эстонии в Москве, а в марте, кроме того, был назначен Комиссаром по эстонским делам при Народном комиссариате по делам национальностей.

Рабчинский представлял Эстляндскую Трудовую Ком-

¹⁶² ПА КПЭ, ф. 28, оп. 3, ед. хр. 361, лл. 4 и 5.

муну на ряде важнейших съездах и конференциях. Так он и Тракман были уполномочены комиссаром народного просвещения ЭТК принять участие в работах I Всероссийского съезда по внешкольному образованию и передать съезду привет от Совета и Наркомпроса Эстляндской Трудовой Коммуны¹⁶³. Как известно, на съезде В. И. Ленин выступал со своей знаменитой речью об обмане народа лозунгами свободы и равенства.

Отметим и помощь, которую оказывал Рабчинский в деле политического просвещения эстонских красноармейцев. Он заботился о литературе для составления дивизионных, полковых и ротных библиотек в эстонских частях Красной Армии и т. д.

Работа в Представительстве ЭТК при РСФСР требовала от Рабчинского много сил и энергии. Напомним, что одновременно он занимал ответственный пост в Высшем Совете Народного Хозяйства. Свой день он делил между этими учреждениями, однако нередко, находясь в ВСНХ, разрешал спешные дела, которые присылались ему из Представительства ЭТК. Уполномоченным Представителем Совета Коммуны при РСФСР Иван Васильевич оставался вплоть до самороспуска ЭТК летом 1919 года. Однако и позже он вел работу Уполномоченного Российского бюро ЦК компартии Эстонии в Москве.

Отметим работу Рабчинского в период мирных переговоров между делегациями РСФСР и буржуазной Эстонии в Тарту. На переговорах, как известно, шла также речь об обмене заложниками и военнопленными. Буржуазное правительство, прибегая к различным мошенническим уловкам и провокациям, стремилось заполучить как можно больше заложников из РСФСР, одновременно сохранив в своих руках арестованных и томившихся в тюрьмах буржуазной Эстонии коммунистов, а также военнопленных.

Анвельт и Рабчинский разгадали замыслы правительства белой Эстонии и предложили установить очередность при обмене заложниками с тем, чтобы буржуазные власти не могли, получив тех, в ком они были особенно заинтересованы, отказать в отправке в Советскую Россию видных эстонских коммунистов.

¹⁶³ ПА КПЭ, ф. 28, оп. 3, ед. хр. 361, л. 71.

Из письма Рабчинского в Российское бюро ЦК компартии Эстонии, которое находилось тогда в Петрограде, мы узнаем, что 5 января 1920 года, он посетил народного комиссара по иностранным делам Г. В. Чичерина и беседовал с ним по вопросу об обмене заложниками с буржуазной Эстонией: «Список арестованных товарищей в Эстляндии передал ему»,¹⁶⁴ — пишет Рабчинский. Далее Иван Васильевич рекомендует в первую очередь и при всех обстоятельствах добиваться того, чтобы взамен заложников, содержащихся в РСФСР, буржуазные власти Эстонии передали бы нам видных деятелей рабочего движения, томящихся в тюрьмах.

Эстонское буржуазное правительство настаивало на том, чтобы им были выданы в первую очередь Л. Пятс, Василль и Янес. Рабчинский извещает Российское бюро ЦК КПЭ, что приняты меры к их розыску и тут же рекомендует воздержаться до поры до времени от их обмена, чтобы иметь их в своем распоряжении на случай новых арестов в Таллине: «видимо ими (т. е. Л. Пятс, Василлем и Янесом. — Д. Р.) интересуются очень, чуть-чуть что подписание мира с ними не связывают»¹⁶⁵ — пишет Рабчинский.

Благодаря энергичным мерам, принятым Анвельтом и Рабчинским, удалось вырвать из тюрьмы буржуазной Эстонии многих активных деятелей эстонского рабочего движения, которым угрожала смерть.

Из разговора по прямому проводу между Рабчинским и Анвельтом 12 января 1920 года явствует, что Российское бюро ЦК КПЭ настаивало на командирование И. В. Рабчинского в Тарту, где происходили мирные переговоры. Он по-видимому, должен был консультировать советскую делегацию по вопросу об обмене заложниками и военнопленными¹⁶⁶. 13 января 1920 года состоялся новый разговор по прямому проводу между Анвельтом и Рабчинским. Анвельт первым делом запрашивает, говорил ли Рабчинский с Чичериным относительно поездки в Тарту. Рабчинский отвечает: «Да, еще сегодня вечером говорил. Вопрос этот они обсуждали сегодня днем, в конце концов решили обождать с отправкой, ввиду энергичных протестов эстонской делегации в Юрьеве

¹⁶⁴ ПА КПЭ, ф. 28, оп. 28—1, ед. хр. 474, лл. 47 и 47 (об.).

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Там же, лл. 42 и 43.

против присутствия русских эстонцев, замешанных в коммунизме. Однако это решение не окончательное, решено лишь выждать время более для этого благоприятное. Об этом они (Чичерин и его сотрудники. — Д. Р.) сообщат для сведения русской делегации...»¹⁶⁷.

Поездка Рабчинского в Тарту так и не состоялась, но, находясь в Москве, Рабчинский оказывал нашей делегации, которая вела мирные переговоры в Тарту, ряд услуг, выполнял ее задания. «По-видимому, делегация нуждается в присутствии знающего эстонские условия лица, — пишет Рабчинский в Российское бюро ЦК компартии Эстонии, — ибо сейчас выдвинулся вопрос о приписанных к портам Эстляндии судах, об этом они спрашивают меня: завтра я пойду в архиве эти материалы, так как на память не все точно помню...»¹⁶⁸.

Вскоре мирный договор с буржуазной Эстонией был подписан, тем самым была прорвана империалистическая блокада Советской России.

В 1920 году Иван Васильевич заболел, сказалась огромная нагрузка последних лет. Ему пришлось просить ЦК РКП(б) поручить ему в системе Высшего Совета Народного Хозяйства менее ответственную работу. В этот же период он отходит от эстонских дел, поддерживая, однако, тесные связи с эстонскими коммунистами, работавшими в Москве и Петрограде. Еще в 1919 году он пишет для журнала эстонских коммунистов «Классивыйтлус» статью о революции 1917 года в Эстонии. Есть сведения, что в 1920 году Иван Васильевич написал статью о славной эстонской коммунистке Алисе Тислер, погибшей смертью храбрых в феврале 1918 года в бою под Кейла¹⁶⁹. В 1919 году Рабчинский напечатал в «Правде» очерк «Черёд», в котором рассказывает о событиях февраля 1917 года в Таллине.

7

Еще продолжалась гражданская война. Страна Советов напрягала последние ресурсы обескровленной промышленности. Дорог был каждый кусок угля. Гор-

¹⁶⁷ ПА КПЭ, ф. 28, оп. 28—1, ед. хр. 474, л. 40.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Сведения даны Д. Э. Милановой.

И. В. Рабчинский
в 1919 году.

ный отдел ВСНХ получает задание: любой ценой увеличить добычу топлива в Подмосковном каменноугольном бассейне. Рабчинского направляют на этот участок в качестве инженера областного управления, ведавшего бассейном. Он организует разработку угля в открытых карьерах, направляет в Москву вагоны с топливом¹⁷⁰.

Страна разгромила интервентов и белогвардейцев, только в Крыму еще сидел Врангель, но и он был обречен. Коммунистическая партия постепенно переключает силы с военного фронта на трудовой. Появляется острая потребность в технической литературе. Рабчинский вносит предложение — создать Государственное техническое издательство. Его идея поддержана. В июле 1920 года Иван Васильевич назначается директором созданного им издательства.

На новом для себя поприще Рабчинский проявляет подлинный талант организатора и хозяйственника. Дело, начатое буквально на голом месте, дало большие плоды. Техническая книга широким потоком пошла в народ. Без единого рубля государственной дотации издатель-

¹⁷⁰ Удостоверение, подписанное Л. Б. Красиным. Личный архив И. В. Рабчинского в Москве.

И. В. Рабчинский
в конце 20-х годов.

ство выпустило 3300 названий книг. Для рабочих и крестьян выходили специальные библиотечки популярной технической книги. Рабчинский отдавал делу всего себя, он был не только директором издательства, но и редактором, а также одним из первых авторов популярной технической литературы. Так, в 1921 году выходит книга Рабчинского «О системе Тейлора» (в серии «Рабочая библиотечка») тиражом 20 000 экземпляров.

В предисловии к ней автор пишет: «В капиталистических условиях научная система [организации производства] проводится сверху и принудительно, в социалистических условиях применение ее и распространение начинается проходить при добровольном содействии и широком участии самих рабочих. Естественно поэтому желание дать представление об научной организации производства для широкого круга читателей... Наша задача, — продолжает Рабчинский, — заключается в том, чтобы отметить отрицательные стороны системы Тейлора и, отвергнув их, показать положительное — и принять их для настоящего и грядущего социалистического строительства»¹⁷¹.

¹⁷¹ И. Рабчинский, О системе Тейлора, М. 1921, стр. 3—6.

Вскрыв классовый характер системы Тейлора, находящейся на службе эксплуататоров, называя ее «коварной», Рабчинский показывает необходимость создания новой, социалистической организации труда: «В будущем, — пишет Рабчинский, — для человека будет невыразимо позорным стоять в разряде ленивых, отстающих от других, более успевающих и работающих для всех не за страх, а за совесть... Научная организация труда и производства — это могучее орудие в руках рабочего класса в последней борьбе с капиталом; это орудие, с помощью которого он действительно сможет пробить брешь в новую общественную жизнь, полную творческих соревнований, неизмеримо высоких и разнообразных действий, в жизнь коллективную, красочную, полную гармоний, коммунистическую жизнь!»¹⁷².

Написано это в 1921 году, когда промышленность страны Советов лежала в развалинах и дело восстановления ее только начиналось. Надо было обладать большой верой в созидательную силу рабочего класса, Коммунистической партии, чтобы написать такие вдохновенные и вешие строки. Как они созвучны нашим дням!

Проблемы научной организации труда продолжают интересовать Рабчинского. Вслед за «Системой Тейлора» выходят еще две его книги, посвященные этим проблемам: «Принципы Форда» (выдержала два издания) и «Промышленный капитал и новая школа НОТ в Америке». Подвергая острой критике систему труда, введенную Фордом на своих предприятиях, автор указывает, что «нам, в советских условиях, очень полезно познакомиться с теми практическими принципами, которыми он руководствовался в своей деятельности»¹⁷³. Во второй книге Рабчинский показывает, как промышленный капитал стремится с помощью разных систем научной организации труда увековечить капиталистическое рабство.

В 1931 году И. В. Рабчинский переходит на научно-исследовательскую работу в области горной неметаллической промышленности. Полным стремления внести свой вклад в дело выполнения первой пятилетки, Иван Васильевич предпринимает длительную и тяжелую по-

¹⁷² И. Рабчинский, О системе Тейлора, М. 1921, стр. 65 и 85.

¹⁷³ И. Рабчинский, Принципы Форда, 2-ое изд., М. 1925, стр. 10.

ездку в пустыни Средней Азии. Он едет для того, чтобы доказать, вопреки утверждениям некоторых ученых, наличие в СССР достаточных ресурсов самородной серы.

На трех грузовиках группа научных работников, преодолевая трудности, углубляется в Кара-Кумы: «Машины не всегда преодолевают подъемы, они зарываются в сыпучий песок и колеса буксуют, — описывает свое путешествие Рабчинский. — Пришлось 17 раз выходить из грузовиков и подталкивать их на подъемах, подкладывая под колеса степное деревцо саксаул, которое легко ломается...»¹⁷⁴. Рабчинский и его сотрудники посетили несколько серных месторождений и сероплавильных заводов. Ознакомившись на месте с тем, как добывают серу, Рабчинский разрабатывает план бурного роста этой отрасли горной промышленности. Он убежденно заявляет, что «наша социалистическая промышленность будет надолго обеспечена самородной серой».

Результатом поездки Рабчинского в Узбекистан явилась книга «Сера». Сначала автор знакомит читателя с тем, в каком виде встречается сера в природе, какими способами ведут разработку серной руды, дает краткое описание месторождений серы в СССР, затем подробно излагает результаты своих исследований в пустыне Средней Азии, высказывает свое мнение по поводу того, как в СССР должна быть организована добыча серы, какими способами следует выплавлять серу. Свою книгу Рабчинский заканчивает словами: «Во всяком случае теперь уже можно утверждать, что серная проблема в Советском Союзе решена».

Видные ученые дали высокую оценку научным изысканиям И. В. Рабчинского: «И. В. Рабчинский много сделал для разрешения серной проблемы в СССР. Им написан ряд весьма обстоятельных докладов по самородной сере, содержащих ряд новых и оригинальных мыслей и обнаруживающих глубокое знание трактуемого вопроса»¹⁷⁵. Решением Московского Химико-технологического института Ивану Васильевичу была присуждена степень кандидата технических наук¹⁷⁶.

¹⁷⁴ И. Рабчинский, «Сера», М. 1932, стр. 50.

¹⁷⁵ Личный архив И. В. Рабчинского в Москве. Документ от 20 ноября 1935 г.

¹⁷⁶ Диплом кандидата наук. Личный архив И. В. Рабчинского.

И. В. Рабчинский
в тридцатые годы.

В 30-е годы Рабчинский возглавлял ряд московских институтов. В 1932—1934 годах он был заместителем директора Института прикладной минералогии, в 1934—1935 годах — директором Московского электротехнического института связи. Вскоре Иван Васильевич вышел на пенсию, но неутомимая натура старого большевика не позволяет ему сидеть дома. Он просит поручить ему работу по специальности и по силам. В декабре 1935 года Рабчинский назначается главным редактором энергетической литературы Объединенного Научно-технического издательства. И сам садится писать учебник по электротехнике.

Годы Великой Отечественной войны И. В. Рабчинский провел в Ташкенте. Ему шел седьмой десяток, но он стремился быть посылно полезным Родине в этот тяжелый час. По путевкам Кировского райкома партии г. Ташкента он выступает с лекциями и докладами на предприятиях и в госпиталях. Оказывает помощь молодым пропагандистам и агитаторам. Вернувшись в Москву, Иван Васильевич продолжает работать над учебни-

И. В. Рабчинский в 1940 году.

ком по электротехнике. По вечерам он часто проводил беседы в агитпунктах, встречался с молодежью, рассказывал ей о славном пути Коммунистической партии, о своих встречах с Лениным.

Об Эстонии Иван Васильевич не забывал. Снова и снова возвращается он мысленно к тем замечательным дням, когда он во главе Военно-революционного комитета помогал эстонским рабочим устанавливать Советскую власть, вспоминает выдающихся эстонских большевиков, с которыми судьба свела его в борьбе за дело коммунизма. В бумагах И. В. Рабчинского мы обнаружили неизвестную статью Ивана Васильевича о Викторе Кингисеппе. Статья была написана в 1932 году к 10-летию с дня смерти выдающегося деятеля коммунистического движения в Эстонии. С большой теплотой пишет Рабчинский о Кингисеппе: «Когда Кингисепп был в Эстонии, он кипел, развивал бешенную энергию и его значение, вес и роль поднимались все выше и выше...».

Далее Рабчинский вспоминает, как Кингисепп, находясь в 1918 году в Москве, рвался в Эстонию: «Ненависть [к буржуазии], большевистская щепетильность и политическая зоркость заставили его вернуться в Эстонию, уйти в подполье и встать на большевистскую работу. Это он и сделал в 1918 году».

В своей статье Рабчинский использует письма Кингисеппа к Елизавете Ивановне Кингисепп (с Е. И. Кингисепп, жившей в Москве, Иван Васильевич был дружен до последних своих дней). На основе этих писем (частично нам неизвестных) Рабчинский раскрывает героический образ коммуниста-подпольщика. Свою статью о Кингисеппе Рабчинский заканчивает проникновенными словами:

«Виктор Кингисепп умер. Со дня его смерти прошло десять лет. Но для рабочего движения Эстонии влияние старого партийного борца продолжает расти все более и более. Пограничный город Ямбург назван его именем. Таким образом и после смерти Виктор Кингисепп стоит как бы на сторожевом посту, постоянно напоминая врагам их палаческую роль, за которую им придется рассчитаться, а рабочим, в сердцах которых горит его имя, он как бы постоянно напоминает их задачу — установить в Эстонии социалистический строй, за который он боролся и отдал свою жизнь»¹⁷⁷.

За два с половиной месяца до своей смерти Иван Васильевич, уже тяжело больной, пишет дополнение к воспоминаниям о революции в Эстонии. Рабчинский как бы оглядывается на пройденный путь, восстанавливает в памяти яркие страницы своей жизни, связанные с борьбой эстонского пролетариата.

Страницы эти написаны 17 ноября 1949 года, а 30 января 1950 года Ивана Васильевича не стало...

... В дни революционных праздников на одном из домов по Пярну маантеэ в Таллине вывешиваются портреты выдающихся борцов социализма в Эстонии. Рядом с портретами Анвельта, Кингисеппа, Пегельмана, Сихвера, Томпа и других славных эстонских большевиков, висит портрет русского большевика Ивана Васильевича

¹⁷⁷ Личный архив И. В. Рабчинского в Москве. Неопубликованная статья «Виктор Кингисепп», 10 страниц на машинке.

Рабчинского, напоминая о его замечательной жизни, о том, что сделал он для эстонского трудового народа, напоминая нам о великих принципах пролетарского интернационализма, пронизывающих всю нашу жизнь, питающих дружбу наших народов.

Даниил Маркович Руднев
ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ РАВЧИНСКИЙ
Эстонское Государственное Издательство
Таллин, Пярнуское шоссе, 10

*

Редактор Ю. Ояма
Художественный редактор И. Торн
Технический редактор Т. Вебер
Корректоры М. Педаяс и В. Пиллау

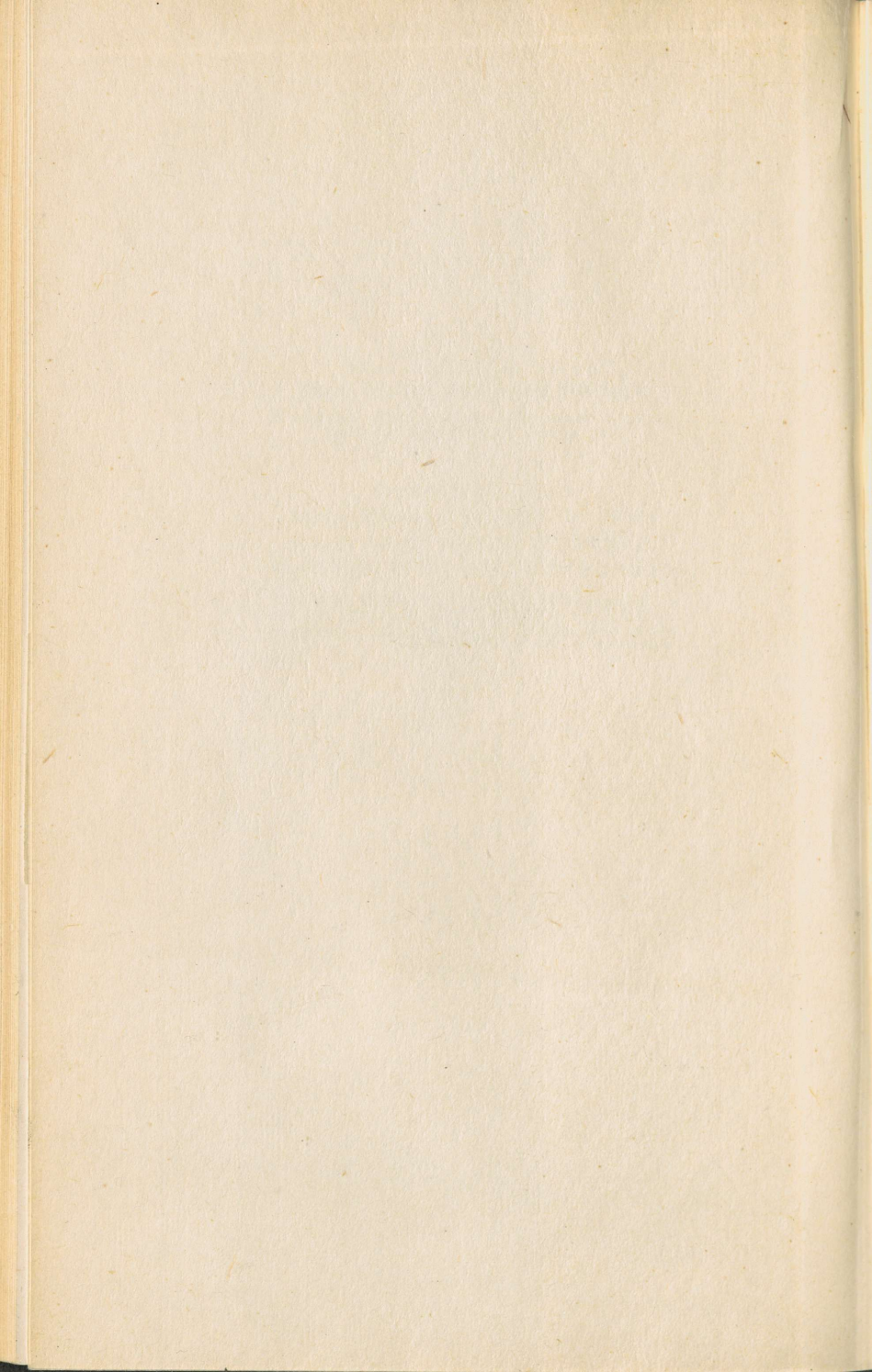
Сдано в набор 4 XI 1959. Подписано к
печати 31. XII 1959. Бумага 54×84¹/₁₆.
Печатных листов 7. По формату 60:92
печатных листов 5,74. Учетно-издатель-
ских листов 6,04. Тираж 1000. МВ-10443.
Заказ 1867. Типография «Пунане Тяхт»,
Таллин, Пикк 54/58.

Цена 1 руб. 85 коп.

1—9

Опечатка

На стр. 69 пропущена сноска: ¹⁰⁸ ЦГАОР ЭССР, ф. Р-1216,
оп. 1, ед. хр. 15, л. 3.

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ

И. Курчавов,

М. И. Калинин в Таллине

Цена руб. 1.—

Д. Руднев,

Д. И. Ульянов в Тарту

Цена 85 коп.

**А. Бахвалов, В. Дудник,
Н. Челокмпец,**

Легендарный рядовой

Цена руб. 1.75

В. Ермолаев, С. Марков,

Герои не умирают

Цена руб. 3.15

1. руб. 85 коп.

